

Юрий Панов

Клад монахов

Книга 1. Сысоева кровь

18+

Юрий Глебович Панов
Клад монахов. Книга
1. Сысоева кровь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43683975

SelfPub; 2019

Аннотация

Зачастую принятие правильного решения, как для будущего самого человека, так и его детей, просто невозможно без знания прошлого, того, что когда-то случилось с его родителями, дедушками и бабушками. Однако, часто это бывает сделать просто невозможно, хотя бы уже потому, что они умерли и не оставили своим потомкам ничего о своей личной жизни. Бывало и так, что вся информация о наших предках просто стиралась, чтобы оставить нас «иванушками, не помнящими родства», в угоду отдельной личности или целому строю. Однако, чтобы понять причины, приведшие к этому, нужно прочитать вторую часть романа.

Содержание

Пролог	4
Клад монахов. Книга 1. Сысоева кровь	8
Часть 1. Сысоева кровь	8
Глава 1. Находка	8
1.	8
2.	32
3.	39
4.	41
5.	47
Глава 2. Нюрка	57
1.	57
2.	70
3.	77
4.	83
5.	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Пролог

На крутом утесе реки Туры стоит красавец монастырь. Когда-то здесь монахи торговали святой водой из животворящего источника, а золоченые купола его говорили о том почитании, которое заслужил Троицкий монастырь. Мне и самому мальчишкой довелось однажды увидеть, как зимой, лихо подкатив на санях к площади перед монастырем, упал на колени бородатый мужик, крестясь и проливая слезы, полз к нему, целуя землю и прося прощения у Всевышнего за свои прегрешения. Как это ни странно, но такое уважение к этому месту осталось даже в годы советской власти и ещё больше возросло в наши дни.

Рядом с ним стоит другой монастырь – мужской. Когда-то купала его напоминали купола рейхстага в день победы над фашистами в 1945 году. Это работа людей, живущих здесь. Ограниченный стенами шестиметровой высоты и бойцовыми башенками он был всегда защитой для разных людей. Здесь жили, молились и трудились монахи, покрывая позолотой свою утварь и иконы. Потом он стал прибежищем для воров и малолетних преступников. Ничего не боялись стены монастыря: ни снарядов пушек, ни взрывов. И только нечистые помысли людей, живших внутри его, погубили то, что не смогли сделать люди: стены дали трещину, башни стали клониться к земле.

Ниже по течению реки Туры на небольшом утесе когда-то стоял женский Покровский монастырь. Его участь просто печальна: он был сначала взорван, потом стал конюшней и лишь малая часть – больницей. И это тоже дела людей.

До сих пор бытует в тех краях легенда, что где-то были спрятаны в недрах утесов золото, иконы и утварь мужского и женского монастырей, а так же то, что с помощью подземного хода через реку спаслись от зверств красных значительное число монахов и белых офицеров. Факт наличия подземных ходов потом подтвердился, но клады те никто так и не нашел...

Однако были и такие люди, которые, в водовороте мутной политической воды того времени всё же сохранили то, что помогло им выстоять, выжить и вырастить новых бойцов.

Однако при внимательном сравнении с нашим временем, очень многое из того повторяется и в наше время. К сожалению, настоящей правды мы, видимо, теперь никогда не узнаем.

Зачастую принятие правильного решения, как для будущего самого человека, так и его детей, просто невозможно без знания прошлого, того, что когда-то случилось с его родителями, дедушками и бабушками. А в некоторых особо опасных случаях, роковых ситуациях необходимо знать и о случаях, произошедших когда – то с прадедушками и прабабушками, а то и дальше. Однако, часто это бывает сделать просто невозможно, хотя бы уже потому, что они умерли и

не оставили своим потомкам ничего о своей личной жизни. Бывало и так, что вся информация о наших предках просто стиралась, чтобы оставить нас «иванушками, не помнящими родства», в угоду отдельной личности или целому строю.

Но чаще всего мы сами стремимся скрывать от всех всё то плохое, что совершили в этой жизни, не понимая при этом того, что обрекаем своих потомков на еще большие страдания. Ибо, как показывает жизнь, эти случаи особенно часто повторяются из поколения в поколение. Ошибки людей и общества, разорвавшие родовую связь, нивелировавшие почтительное отношение к своим отцам и матерям, дедушкам и бабушкам только усугубили ошибки потомков, подарив нам целый букет наследственных болезней и ситуаций, практически полностью воспроизводящих дела давно минувших дней...

Где же вы наши прабабушки и прадедушки, бабушки и дедушки, отцы и матери? И почему в свое время вы не справились с заданиями Судьбы-матушки? А теперь нам приходится на себе испытывать удары ее, которые с каждым поколением становятся все мощнее и страшнее, заставляя уже нас и наших потомков принудительно решать невыполненные «домашние задания» учителя по имени Судьба. Казалось бы, чего проще: поклонись до земли, да спроси у бабушек или дедушек! Ан нет... Ведь мы такие грамотные да такие гордые – не успели родиться и выучиться, как уже считаем, что всё знаем! А раз всё знаем, то зачем унижаться? Вдруг еще

нарвешься на неприятности. Вот и совершаем ошибки, не в силах разобраться сами – свои это ошибки или чужие? И те из нас, которые совершают роковые ошибки, безжалостно отбраковываются Судьбой. И только те, кто, изначально намучавшись и настрадавшись, кое-как научились кланяться родителям, поняли, ради чего живут и приобрели сильный духовный стержень, теперь в состоянии правильно оценить ситуацию и развязать тот тугой узел, который когда-то завязала Судьба...

Этот роман лишь художественная реконструкция тех событий. К сожалению, настоящей правды мы, видимо, теперь никогда не узнаем. Совпадение имен и фамилий с реальными следует считать фактом ничтожным.

Клад монахов. Книга 1. Сысоева кровь

Часть 1. Сысоева кровь

Глава 1. Находка

1.

Июнь 1991 года, г. Верхотурье.

Галина Андреевна Колесникова, сорокапятилетняя женщина, переживающая в данный момент свою вторую молодость, как обычно сидела перед зеркалом в пенюаре и изредка поглядывала на огород, в котором экскаваторщик Федька рыл котлован под фундамент будущего дома.

Между тем Федька, приехавший к Колесниковым недавно, особого настроения делать эту работу «на сухую» явно не имел. Однако, увидев из окна старого дома выразительный кулак Галины Андреевны, смирился и к работе приступил от греха подальше.

Усевшись снова перед зеркалом, Галина Андреевна кри-

тично осмотрела свою фигуру и тут же сделала необходимую скидку.

– Да я еще и ничего... Даже очень ничего! – подумала она и довольно щелкнула двумя пальцами. – И грудь сохранилась... И глазки не потускнели! А как мужикам нравился их голубой цвет?! Да... Вот разве что усики чуть-чуть появились... Ну, дак я их быстро! Щипчиками... Раз-раз! Сутулиться начала? Дак и это исправлю...

Хозяйка встала, через плечо, рассматривая свою почти обнаженную фигуру. Положив руки на развитые бедра и, сделав ими движение вперед-назад, она выгнула спину и выставила напоказ свою большую грудь.

– Ну, чем я хуже этой? – она попыталась вспомнить одну из обнаженных красоток, которых видела на картах сына Сашки совсем недавно. – А чё? Я еще ни чё! Ишшо сто очков вперед дам некоторым... И чё Сашка нашел в этой дылде зачуханной, Верке?

Мысли о жене сына чуть было не испортили хорошего настроения, в котором пребывала хозяйка. И, чувствуя это, она снова посмотрела на себя в зеркало, и с улыбкой кивнула той, в зеркале.

– «Женщине всегда дают столько лет, насколько она выглядит!» – процитировала она чьи-то слова, всего лишь на минутку попытавшись вспомнить, где их видела. Однако, так и не вспомнив ни места, ни автора, тут же успокоила себя тем, что отнесла их к народной мудрости и довольно ухмыль-

нулась. – Та-а-ак... Полнота чуть выше средней... Едва заметный второй подбородок... Вроде бы нигде нет обвислости... Ну-у-у, на лет, эдак, на тридцать с хвостиком, я потяну запросто! Ну, дак недаром же наш мент Беспалов так любезен со мной?!

И на минутку представив, как она могла бы «осчастливить» этого милиционера, как женщина, Галина Андреевна закрыла глаза и погрузилась в сладкие грезы секса... Покончив с участковым, она вздохнула и открыла глаза.

Мысли как-то незаметно увели ее в прошлое, на целых двадцать семь лет назад, когда молодая, но уже прошедшая огни и воды, Галочка Михеева решила твердо обзавестись семьей.

– Нагулялась, хватит! – цвет ее голубых глаз превратился в стальной. – Не пора ли прибрать к рукам какого-нибудь растяпу военного? А уж потом строить жизнь так, как мне захочется!?

Почему именно военный? Все очень просто – предыдущий ее возлюбленный был лейтенантом, показавшим на практике некоторые тонкости личной жизни, которые так ей понравились.

– Сволочь! А еще офицер... – подумала она с негодованием о своем так не кстати сбежавшем возлюбленном. – А я уже планы начала строить...

Теперь мысль стать женой военного, однажды пришедшая в шальную девичью головку, больше не покидала её.

– Паразит, какой?! – было очень трудно даже ей самой определить, чего же она хочет больше: сердиться или восхищаться своим бывшим возлюбленным. – Я, значит, как дура, отдала ему все самое лучшее, что у меня было, а он сбежал?!

Поскольку речь шла о самом лучшем, что у нее было – о ее теле, то Галочка сердилась недолго. И в тот же вечер отправилась в училище на танцы. В голубой надежде увидеть заблудшую овечку и вернуть ее назад, она вышла в первую шеренгу девиц, жаждущих молодого лейтенантского тела.

– Такая красавица и простаивает?! – услышала она голос сбоку и, повернувшись, увидела молодого лейтенанта-выпускника. – Девушка, пойдете танцевать!

– Давайте, попробуем... – как бы нехотя произнесла она, подумав про себя: Мой-то... Вот гад! Сбежал и не показывается... Ну, где его, топерича, искать? Ладно, пойду... «На безрыбье и рак – рыба». Смотри, Галка, хоть этого не прозевай: клев-то, видать, начался!

Между тем лейтенант танцевал неважно и тем смущался. Особенно, когда замечал свои промахи.

– Павел... – наконец решился заговорить он. – Вас как зовут?

– Ну, наконец-то! А то молчит, как рыба ... – подумала охотница и тут же вспомнила шкалу поведения, которую поведал ей бывший возлюбленный. – Так, значит, началась разведка боем! Сказать ему свое имя или нет? Может он такая же сволочь, как и мой? Нет... Этот другой: робкий, часто

краснеет! Видать ничего лучше морковки и не видал... Скажу!

– Галина! – на ее лице появилась улыбка номер один, которая, однако на тренировках у хозяйки долго не получалась, и с которой так долго пришлось потрудиться перед зеркалом.

Однако, не зря она столько времени посвятила ей: лейтенант улыбнулся и начал откровенно ее разглядывать от щиколоток до кончиков волос.

– Как в магазине одежду покупает! – ехидно подумала она, но тут же спохватилась и изобразила улыбку номер два. – Посмотрим: у меня ещё ни один не срывался после нее!

Охотница не ошиблась: рыбка болталась на крючке основательно.

– Что это вы, Павел, меня так рассматриваете?

– Послушайте, Галина... – неожиданно произнес он. – Вы, несомненно, девушка красивая... Как говорится «все при всем»! Мне предлагают место замполита роты, но при условии... Что я женюсь! Если я вам задам один нескромный вопрос, вы ответите на него?

– Спокойно, Галка, спокойно! – сердце ее было готово выскочить из груди. Так оно стучало, звонило, кричало: это то! Но опытная рыбачка уже знала, что жирный карась хоть и подцеплен на крючок и никуда не денется, однако... – Спокойно, он сейчас скажет, что хотел бы оказаться в одной постели со мной... А ты не заводишь! Вспомни про своего подлого изменышника... И учти, назад дороги уже не будет: ты

теперь ученая...

— Ну, так какой же это нескромный вопрос? — как ни в чем не бывало, спросила она: ни одна жилка на лице ее не дрогнула, лишь только блеск глаз усилился. Но лейтенант себя уже считал рыбаком, а ее рыбкой, и никак не мог представить себе, что все наоборот.

— Если ты понравишься мне... — он замялся, но потом, собравшись с духом, произнес. — в постели, то я женюсь на тебе!

Ни один мускул не дрогнул на лице девушки. Нечто такое она и ждала. — Так, быстро изобрази лицо девушки, оскорбленной таким предложением! Немедленно! Он клянул...

Приветливое личико девушки изуродовала гримаса оскорбления. — Ты чё, парень, издеваешься? Я тебе кто? А ты... Я — девушка честная, а ты со мной как на базаре... Вон их таких сколько: иди и выбирай любую, а ко мне не смей! Знаем мы вас таких: в постель шасть, использовал, как презерватив, а сам потом в сторону? Уходи!

А сама с тревогой смотрела в лицо лейтенанта. — А вдруг и вправду уйдет? Повернется и уйдет? Нет, этого допустить никак нельзя! Но и отступить тоже...

Изобразив обиженную и оскорбленную девушку, охотница от избытка чувств, чуть и по-настоящему не расплакалась, вспомнив предателя-лейтенанта.

Однако неискушенного Павла слезы на щеках из голубых глаз девушки сразили наповал.

– Ты, вот что... Извини! Я не с того начал... – робко произнес он и погладил плечо девушки. – Пойдем в кафе, побалдеем немного...

Слезы в глазах девушки мгновенно высохли. – Ну, вот теперь – порядок! А то сразу «постель»! Нет, дорогой мой... Давай-ка, все как положено: танцы – кафе – постель! И ни каких отступлений: уж теперь-то ты, мой милый, никуда от меня не денешься!

Он старался изо всех сил ей понравиться, а она как кошка с мышкой забавлялась им, моментально оценив его со всех сторон и просчитав ходы. Теперь уже не он, а она, не торопясь, направляла его к своей цели. Позволив Павлу проводить себя до дома, Галина внимательно следила за тем, чтобы молодой лейтенантик не сорвался с крючка... Не зная этого, Павел усердно зарабатывал своими анекдотами право подняться к ней домой, и уже был наполовину влюблен в эту неприступную девушку...

Осторожно налив ему в кофе в три раза больше коньяка, чем было нужно, Галина с удовольствием наблюдала, как быстро развязывался язык лейтенанта, и улыбалась: он уже трижды признавался ей в своей любви и делал предложение выйти за него замуж. Она благосклонно и с удовольствием приняла его предложение, напомнив, что такими словами даром не бросаются. И, только увидев его на коленях с мольбой о принятии предложения, она допустила его к себе в постель. Ну, и конечно, показала все, на что была способна!

Павлу этого было больше чем достаточно – днем они уже стояли в ЗАГСе и расписывались. Они оба были довольны: каждый получил то, что хотел. Теперь у Галины был муж, которым она будет управлять все свою жизнь, а он получит должность замполита, о которой мечтал, и красавицу – жену в придачу...

Галина Андреевна рассмеялась, вспомнив свою первую настоящую победу. – Ну – ну... Дурачок, ты даже не знаешь, сколько таких побед было потом... И в средних и в больших погонах! Это я твои погоны зарабатывала, а ты только получал...

И засмеялась, вспомнив о муже.

Услышав мат Федьки на огороде, она быстро вернулась к действительности.

– Эй, ты чего встал? Когда дальше копать будешь? – закричала она Федьке, высунувшись в окно. Тот подбежал к ковшу, матерясь, и что-то начал вытаскивать из земли.

Скрипнула дверь – это пришли Сашка и Верка, которая несла на руках дочку

– Андревна, глянь! – крикнул экскаваторщик. – Тута ящик какой – то...

Бабка Полина, жившая по соседству с Колесниковыми и любившая смотреть передачи про террористов по телевизору, по привычке наблюдала за своим внуком Федькой. Причин наблюдать за ним было две: во-первых, она беззаветно любила его, а во-вторых, знала, что он вчера со своим друзьями поглощал самогонку в большом количестве.

– Федька, брось ево! А вдруг тама бонба? – закричала она, увидев в руках какой-то ящик. – Ишшо убьеть!

Но Федька даже ухом не повел на слова бабки: он ждал ответа от хозяйки. Однако та даже и не пошевелилась.

– Если нужно будет – сам принесет! – подумала она, спешно переодеваясь в спортивный костюм. Но тут другая мысль заставила ее еще быстрее одеваться. – А чё если этот грязный экскаваторщик притащит мне земли сюда, прямо в дом? Ведь придется все это потом убирать... И кому? Мне! Вон, Верка -то совсем обнаглела – живет себе как принцесса: енто я не буду делать! И енто я не буду делать... А я чё, проклятая? Итак, вся уборка на мне!

И выскочила из дома навстречу экскаваторщику Федьке, перехватив его у самого порога дома.

– Ну, чё там у тебя, Федька? – она облегченно вздохнула, опередив соседского внука с грязными руками, и брезгливо показала пальцем на ящик, который тот держал в руках. – Только не сори мне здесь!

– Дак я тово... Уберу потом! Ей бог уберу... – загорев-

шись интересом, пробормотал Федька и слотнул слюну. – Хозяйка! Вешшь-то старинная по всему... Отмыть бы надоть... Водочкой!

– Чево!? Водочки захотел? А ну отмывай водой! – по узким глазам хозяйки Федька понял: спорить бесполезно. И, вздохнув, пошел неровной походкой к луже с водой.

Федька, тридцатилетний холостяк и пьяница, быстро очистив налипшую глину, стал открывать монтировкой ящик, отдирая одну за другой доски. Подгнившие доски легко поддавались яростному напору мужика с перепоею, словно понимали его состояние. Поэтому довольно скоро на свет явился ларец, закрытый на внутренний замок.

– Андревна, матушка! – взмолился Федька, обливающийся потом. – Ну, хоть ты – то пожалей! Ить трубы – то... Вона как горят! Ну, перебрали мы того... Опеть с Васькой... Вчерась... Ну, налей хоть пять капель!

– Много вас таких... – отозвалась хозяйка. – Ты мне котлован сначала вырой, а потом уж проси!

Федька вздохнул и обреченно опустил голову. Он уже собрался повернуться и идти назад, но тут вдруг услышал:

– Дак, ты чё ж, голубчик, совсем не собираешься открывать ларец?

То ли с издевкой, то ли с интересом, вопрос, произнесенный с бархатисто – нежной интонацией, вдруг зажег у Федьки некоторую надежду погасить пылающие трубы.

– А будет? – показав пальцами руки то, что именно ему

нужно, Федька решил поторговаться.

Быстро сообразив, что ни она, ни сын не смогут открыть этот ларец, хозяйка сдалась.

– Ладно, твоя взяла! – уже примирительным тоном произнесла она. – Будет!

Федька радостно потер руки, предвкушая знакомый вкус водочки, и схватил монтировку. Через несколько секунд ларец хрустнул и открылся. Четверо взрослых пар глаз уставились на дно находки.

– А ну, дай-ка сюда все! – оттолкнув всех, решительно заявила хозяйка. – А ты, Федька, иди и копай котлован!

– Ну, дак, мы же договорились. Про это... – и он опять выразительно щелкнул себя по горлу.

– Да, договорились?! Вот выроешь – и поставлю! – твердо заявила хозяйка и забыла о существовании Федьки.

На дне ларца лежала коробка жестяная из-под монпансье, записная книжка в кожаном переплете, тетрадь и какие-то чертежи. Выкинув тетрадь и чертежи, покрутив записную книжку в руках и отложив ее, Галина Андреевна решительно взяла в руки коробку.

– Ого, какая тяжелая! – с удивлением произнесла она, пытаясь ее открыть, но та так и не открылась. – Давай-ка, сынок, потрудишься. Теперь твоя очередь!

И отдала ее Сашке, светловолосому двадцатисемилетнему балбесу невысокого роста, которого баловала с малых лет.

Меж тем Сашка, взяв в руки небольшую круглую коробку,

тоже удивился ее весу. Лезвие его перочинного ножа легко вошло в щель между крышками, сминая тонкое железо коробки. Крышка дрогнула и начала сдвигаться.

– А ну, дай ее сюда! – решительно отобрала коробку хозяйка и тут же открыла ее: блеск золота на мгновение ослепил.

Увидев, что коробка до краев заполнена золотыми монетами – червонцами, она обомлела. Но тут же мгновенный испуг перешел в радость.

– Вы посмотрите, какая прелесть! – воскликнула она, с торжеством оглядывая сына и невестку, однако при этом отметила, что сын разделяет ее восторг, а невестка – нет.

И вообще, Вера Колесникова как-то сильно выпадала из этой компании.

Во-первых, Вера, будучи хорошо сложенной и рослой синеглазой простушкой, ничего нового от жизни не хотела, кроме нормальной семьи, а потому в дела матери–свекрови и мужа не лезла.

Во-вторых, она поняла очень рано, что Сашка ревнив болезненно и в своих действиях непредсказуем совершенно, поэтому никуда из дома не выходила. Так как после родов Вера сильно пополнила и стала для мужиков еще привлекательнее, то Сашка отправил ее к матери, чтобы та учинила за ней контроль по всем правилам. Когда же Вера стала с дочкой ходить к бабушке, свекровь стала ее еще больше преследовать. Это Вере не нравилось, но она терпела, понимая,

что в ответе за всю семью. Однако к бабушке ходить не перестала, потому что там она опять становилась сама собой. Именно там она и пела дочке старинные песни своим низким грудным голосом, которые слышала от бабушки.

Однако в этой коробке с золотом она увидела нечто, от чего немедленно отвернулась и тут же зажала рот руками. Так с приступом рвоты она и выскочила из комнаты. Это был целый зуб в золотой коронке...

Меж тем Сашка взвесил на руке коробку и спокойно сказал матери:

– Давай переплавим их в слитки: в таком виде иметь это золото нельзя!

Вера, вернувшись со двора, к ним близко не подходила. Увидев на полу записную книжку, тетрадь и чертежи, подобрала их, посмотрела на мужа и свекровь: они о чем-то напряженно шептались, никак не приходя к согласию. Безразлично посмотрев на них, невестка пошла в другую комнату к спящей дочери. Там Вера бесшумно села на диван в ногах у ребенка и только после этого обнаружила в руках подобранные предметы. Тетрадь и чертежи сазу же легли на диван рядом с ногами дочери, а записная книжка неожиданно заинтересовала.

Кто-то неизвестный неровным почерком записывал под номерами фамилии людей и даты, делая какие-то пометки.

– Какие-то списки... Что бы это значило? – подумала она, с интересом вглядываясь в почерк. – Полистаю-ка я дальше.

Может потом все разъяснится?

Где-то на середине книжки, когда эти списки уже начали ей надоедать, неожиданно глаз остановился на строчке: «121. Северьян Гур. Гурьянов. Расстрелян в 47 г. в Ивдельском следств. изоляторе».

– Постой, постой... Что-то уж больно знакомая фамилия! – и Вера стала вспоминать, где и когда уже слышала это имя и фамилию. – Тю, да это же одна из фамилий моей бабушки!

И Вера с еще большим интересом стала смотреть на какие-то буковки, которые шли дальше по тексту за этой строчкой.

– «С. о кл. мон. в В. 100ш. по л.с.п.х. от дв.х.м.м.» – прочитала она, возмущившись от того, что ничего не понимает. – Какая-то белиберда!

Снова прочитав все с самого начала, молодая женщина захлопнула книжку. – Надо будет сходить к бабушке и спросить ее!

В комнату вошел Сашка и подозрительно посмотрел на жену.

– Дай-ка сюда эти бумажки! – со злостью выхватив из рук жены записную книжку и подобрав с дивана тетрадь и чертеж, рассерженный Сашка вышел из комнаты. Однако не успела молодая мать возмутиться столь бесцеремонным поведением своего мужа в комнате спящей дочери, как он вновь появился и без слов небрежно бросил найденные до-

кументы на полку. Записная книжка не удержалась и, показавшись, полетела вниз прямо на спящую девочку. Рывок и записная книжка оказалась зажатой в руке. Так же аккуратно она положила ее на диван.

– Ну, вот что... Вы тут делаете, что хотите, а я иду к бабушке. И Ниночку возьму с собой! – произнесла она сквозь зубы, сверля глазами мужа от злости за то, что тот мог попасть записной книжкой в дочь.

Однако Сашка только махнул ей рукой, чтобы не приставала: впервые нечто более сильное, чем ревность овладело им.

Вера шла к бабе Ане, повторяя про себя каждое слово, прочитанное ею в записной книжке. В школе она училась неважно – ученье давалось с трудом. Однако, то, что девочка запоминала, намертво впечатывалось в ее память.

Её бабушка, Анна Семеновна Коровина, жила в заречной части города на заслуженную трудной работой пенсию и свой огород. Этого ей хватало с избытком, поэтому она частенько пускала к себе жить молоденьких квартиранток и не брала с них ни копейки за квартплату. Девчонки эти приезжали учиться в городе или работать, подолгу жили у нее, а иногда и выходили замуж. Как правило, это были дочери или внуки ее многочисленных подруг из ближайших деревень, с которыми хозяйка умудрялась поддерживать долгие и хорошие отношения.

Вот и сейчас у нее жила внучка давней деревенской по-

други. Света Деменихина, высокая, светловолосая и кареглазая девушка, приветливо встретила Веру с дочкой, но все же не смогла скрыть свое волнение. Она хотела отметить с друзьями свой восемнадцатилетний день рождения у бабы Ани, но откровенно побаивалась своей суровой, но справедливой хозяйки.

Тем не менее, она не знала, что суховатая, с крючковатым носом, стремительная и гордая баба Аня тоже собиралась устроить ей праздник. Кроме того, через три недели подходило семидесятидвухлетие хозяйки, и его эта жизнерадостная старушенция тоже собиралась отметить, но уже со своими подружками. И никому не приходило в голову, видя эти зоркие карие глаза и копну когда-то рыжих волос, напомнить ей о столь преклонном возрасте. Однако все ее жилички знали о самом уязвимом месте бабы Ани, но пользовались им только в самых крайних случаях. Конечно, знала о нем и Вера: вот она – то уж пользовалась им довольно часто и не безуспешно. Это слабое место у железной Бабы Ани называлось просто – «лесть».

– Здравствуйте! Какие вы сегодня красивые! – произнесла она свое традиционное приветствие, нарушая уединение хозяйки и жилички. – Баб Ань, можно тебя на два слова?

– Да ты чё, говори здесь: от Светки у меня секретов -то нету! – отозвалась та, отрываясь от нитки с иглой, и внимательно контролируя состояние здоровья правнучки. И, как бы, между прочим, добавила. – Вот, думаю, как Светке день

рождения справить, да перед кавалерами ее в грязь лицом не упасть!

От услышанного Светка чуть не упала с крыльца. Она так и осталась сидеть на какое-то время с открытым ртом, от удивления и восхищения своей хозяйкой.

– Иди ко мне, мое «солнышко»... – баба Аня протянула руки к Ниночке и взяла к себе правнучку, посюсюкала с ней и посмотрела на внучку. – Ну, чё ты замялась? Пришла с вопросом, дак задавай ево!

– Баб Ань, ты не знаешь, кто сразу же после войны жил в доме Колесниковых? – неожиданно спросила Вера.

– Ой, да ведь сразу-то и не вспомнить... – подняла брови хозяйка.

Светка притихла, почувствовав некую важность этого разговора. Ниночка закапризничала и попросилась к маме. Установилась тишина, изредка нарушаемая Ниночкой.

– Кажись, вспомнила: в их доме сразу после войны жил один очень плохой человек... Он начальником колонии пришел... Тимофеев евоная фамилия. Майором пришел... – недовольно ответила она. – А зачем тебе это?

– Да сегодня в огороде у Колесниковых нашли шкатулку...

Баба Аня удивленно посмотрела на внучку.

– Ну, и чё ж в ней было такое, что ты сама не своя?

– Коробка из-под монпансье полная золотых монет и одним целым зубом в коронке, записная книжка, тетрадь и чер-

теж. — выпалила Вера, освобождаясь от непосильного груза и смотря на свою бабушку внимательно. — Так, вот в этой-то записной книжке, в самой середине я встретила строчку с таким содержанием...

И Вера подняла глаза вверх, как когда-то в школе читала стихи наизусть.

— «Номер сто двадцать один. Северьян Гур точка Гурьянов точка Расстрелян в сорок седьмом году в Ивдельском следств точка изоляторе». — цитировала она по памяти. — А дальше было написано вообще что-то непонятное: «С точка о кл точка мон точка в В точка сто ш точка по л точка х точка от дв точка х точка м точка м точка» Я вот даже записала на бумажку весь этот странный текст, чтобы не забыть!

Еще никогда Вера не видела такой свою неустрашимую бабу Аню: та побледнела, разом осунулась, глаза смотрели куда-то вдаль и не видели никого. В какой-то момент внучка решила не беспокоить бабушку больше и начала себя ругать за то, что вообще завела весь этот разговор.

Но та вдруг вернулась к ним и знаками показала ей, чтобы внучка продолжила свой рассказ.

— Я почему-то...вдруг вспомнила...— Вера сама занервничала и была готова прекратить разговор, но глаза бабушки настойчиво требовали договорить до конца: теперь та сверлила ее своими жгучими глазами. И внучка выдохнула то, что мучало всю дорогу. — Может это родственник наш, какой — то?

– Так... звали... моего мужа... – с изменившимся лицом тихо выдохнула из себя баба Аня. – В сорок шестом году у меня родился сын – уродец. Вот тогда и запил мой муж... А потом вдруг загорелся идеей найти клад монахов: уж не знаю, кто ему эту дурь в голову тогда вбил! Целую неделю лазил и лазил по монастырям, пока не забрался в храм мужского монастыря. А вернулся оттуда сам не свой... Вот тогда и сказывал он мне ... Мол, видел там и этого... Майора Тимофеева... Он тоже искал этот клад! А на следующий день мово Северьяна и забрали... Больше я его никогда уже не видела... Говорили верные люди: мол, в лагерь попал... Да я и верила и не верила... Вот, значит, где мой – то Северьянушко головушку свою сложил! А все этот, гад, Тимофеев! И чё вот имя надоть было? Жили бы как люди... Дак нет: клад искать! Вот и сдох, как собака...

Баба Аня положила на колени свои натруженные руки и вдруг унеслась мыслями куда-то в далекое прошлое.

– Когда после войны он появился в Верхотурье, я уже, такой как Светка, была... – задумчиво произнесла хозяйка после долгого молчания. – Важный такой... Приехал и начальником колонии сразу стал! Дом купил... Как раз там, где твои свекор и свекровь живут. Видать клад все свой искал! Не помню, вроде года через три или четыре он от рака горла помер. Или ног? Вот уж топерича и не помню точно. Вот те и клад!

– Вер, а как ты думаешь, откуда у него столько золотых

монет? – не удержалась Светка.

– Да откуда я знаю?

– Видать, изверг был, мучитель... Зубы выбивал – отсюда и золото! Потому и умер от рака... – неожиданно, будто из подземелья, отсутствующим голосом произнесла баба Аня.

– Да, похоже, так.... Одна-то коронка была прямо с зубом! – согласилась Вера.

– Я тоже читала где-то, что ГПУшники мучали людей. – вставила свое слово Светка, карие глаза которой стали похожи на крупные бусинки от страха.

– У меня почему-то такое чувство, что это был мой Северьянушко... – неожиданно произнесла баба Аня, повернув голову куда-то в сторону. – Вот только непонятно, почему в сорок седьмом?

– А может его долго в тюрьме или лагере где-нибудь держали, а в сорок седьмом расстреляли... – попыталась утешить хоть как-то хозяйку Светка. – Ты, баб Ань, вот чё, «не бери это в голову», как говорит мой отец!

– Да и про клад-то только муж мой и знал... – снова заговорила вдруг хозяйка.

– Дак, чё за клад-то такой? – не унималась Светка, стараясь хоть как-то отблагодарить свою хозяйку за разрешение отпраздновать день рождения.

– Точно не знаю, но мать говорила, будто отец наш знал, иде спрятаны иконы монастырския...

– Дак, ведь это же большой грех! – возмутилась Вера. –

Присваивать чужое... Тем более – божье...

– Дак, отец-то и не присваивал... Он просто знал, иде все енто находится... – тихо сказала хозяйка, задумчиво посмотрев куда-то в сторону. – А вот зачем после войны ГПУшник суды пожаловал? Вот енто действительно интересно!

– Ну, дак, чё ж тоды тута думать? Ясно как день: искать этот клад, и приехал! – усмехнулась Светка.

– Может почитать каки бумаги снова? Да поговорить со знающими людьми? – Вера с надеждой посмотрела на бабушку.

– Дак, иде их взять-то, знающих-то? – хозяйка о чем-то задумалась.

– Верк, ты, вот чё... Принеси-ка те бумажки-то суды! Ежели сможешь.. – и баба Аня хитро улыбнулась внучке. – Вот и покумекам! Чё да как...

Вера улыбнулась ей в ответ и кивнула головой в знак согласия, побыла еще немного с ними и ушла вместе с дочкой.

Никто и не заметил, как хозяйка быстро собралась и вышла из дома. А через полчаса она постучала в дверь уполномоченного ФСБ по городу...

Тем временем в доме Колесниковых назревал скандал.

– Сашка, давай пустим золото на торговлю! – уговаривала сына Галина Андреевна – Закупим товару, быстро продадим, а прибыль снова в дело пустим... Ты займешься доставкой товара, я буду продавать...

– Да, я-то чё? Я бы с превеликим удовольствием... – ду-

мал Сашка. — А как же долг? Эх, надо ж было так вляпаться...

— Не могу я... Давай делить на троих: тебе, мне и отцу... Верка — не в счет! — твердо заявил сын матери. — Вы как хотите, но у меня свои планы!

— Ладно... — подумала хозяйка о своем муже, пряча коробку с золотом в потаённое место.

Между тем жадные глаза сына неотступно следовали за каждым ее шагом.

— Ишь, чё захотела?! — подумал зло сын о матери. — Золотишко ей одной понадобилось! Тварь, потаскуха! Уж я-то точно знаю, чем ты занималась, когда отец был на службе...

Меж тем блеск золота как дрожжи поднимал в Сашке все самое гадкое и пошлое, которое он долго и старательно прятал. И эта чернота все больше и больше захватывала его, превращая в жестокого, циничного и беспощадного молодого человека, легко преступающего моральные законы. В какой-то момент он даже почувствовал, что сможет из-за золота убить родную мать...

Стук в дверь вдруг вызвал панический страх, стрелой пронзивший сердце. Выглянув в окно, он невольно выдохнул накопившийся воздух и обмяк: это пришла жена с дочкой.

С первого же взгляда на эти лица, Вера поняла, что они просто обезумели от своей находки.

— До чего же это все так противно... — подумала она о муже и свекрови, видя их перекошенные лица и алчные глаза.

Ни слова не сказав им, взяла дочку на руки и ушла укладывать ее спать. Невольно взгляд упал на полку: документы лежали там же, где и были до ее ухода. Засыпая вместе с дочкой, она еще некоторое время слышала ругань мужа и свекрови, а память ее вдруг вернула в прошлое...

Вера, тогда еще девятнадцатилетняя девушка, которую все подружки устойчиво считали старой девой, неожиданно встретила на танцах только что демобилизованного и голодного до женской ласки Сашку. В тот же вечер, проводив ее до дома, он предложил погулять еще...

Только там, в копне сена и поняла Вера, каким инструментом было ее тело... А Сашка, сильно избалованный лихими подружками, к их сильному огорчению, больше ни о ком и думать не хотел... Вера легко направила его в ЗАГС и стала Колесниковой, вопреки сетованиям свекрови, недовольной выбором сына. Однако, уже на свадьбе «маман» столкнулась с железным характером невестки и дала себе зарок: никогда не связываться с ней напрямую! И пошла другим путем – через сына...

У них долго не было детей, вопреки большому желанию Веры и радости свекрови, которая из этого выжала все, что смогла. Однако Сашка не смог бросить «дылду». А через четыре года после свадьбы Вера, наконец, забеременела. Родив дочь, ей хватило ума понять, что у мужа на стороне появилось много подружек, и гордости, чтобы самой не искать утешения на стороне. Лишь свекровь была довольна – она сде-

лала все, что хотела.

Баба Аня давно поняла, что Вера больше своего мужа не любит, но ни коим образом события не стимулировала, как это делала свекровь, вполне резонно считая, что всему свое время...

2.

Июнь 1991 года, г. Верхотурье.

Высокий, атлетического телосложения мужчина в спортивном костюме и кроссовках сошел на перрон станции. Его большая светловолосая голова спокойно повернулась слева направо, обшаривая своими искрящимися юмором глазами, каждого человека на станции.

Уверенность, с которой он вел себя на станции, тут же сроднила его с аборигенами, в изобилии обитавшими на станции. Не успел он подойти к залу ожидания, как его глаза наткнулись на глаза сестры.

– Мишка! – кинулась она ему на шею. – А я уж думала – пропустила...

– Ольга... А ты почти не изменилась! – произнес Михаил дежурную фразу и заулыбался. Они еще некоторое мгновение разглядывали друг друга, отмечая изменения, но потом разом повернулись и пошли к машине.

Ольга была на семь лет младше Михаила, однако не расплылась жирком и осталась статной тридцативосьмилетней

женщиной. Жила она с семьей в другом районе Верхотурья и лишь временами бывала у матери, которая имела свой домик в заречной части. Но муж и дети довольно часто навещали бабушку.

— Ну, как ты, там? Чё так долго не писал? — отдышавшись, начала атаковать брата вопросами Ольга. — Как сын? Ты еще по-прежнему подполковник?

— Уймись, трещотка! Дай хоть мужику передохнуть от поезда... Приедем домой, там и донимай... — это Пашка, муж Ольги, с раскрытыми объятиями дожидался его у машины: он по-прежнему работал автомехаником в хозяйстве недалеко от станции. — Здорово, черт мохнатый! Не обращай внимания на ентих баб: заедят в усмерть своими вопросами...

— Пашка, отвянь, говорю! Дай мне с брательником поговорить... — она схватилась за руку мужа и оттащила его, освободив Михаила от объятий. — Я с тобой, Мишка, черт мохнатый, разговариваю, али как? Уже три года прошло, как умерла твоя жена, а ты все один да один... И чё, никакой бабы не нашлося, штоб подобрать тебя и привести в порядок?

— Да, брат... Однако круто она на тебя наехала... — ухмыльнулся Пашка.

Михаил скорчил такую гримасу, что Ольга тут же всплеснула руками и обняла его за плечи.

— Да, ладно... Прости, уж, братишка, за мою простоту дурацкую! — улыбнувшись, она поцеловала его в ухо. — Ну, не зря же говорят: «Простота хуже воровства»!

Михаил тут же перестал обижаться, однако не упустил случая укунить сестричку.

— А ну, объясни мне, что это такое? — и Михаил показал на купол мужского монастыря, похожий на рейхстаг фашистской Германии в момент взятия. — До чего довели национальное достояние?

— Вот тут ты прав, братишка... — лицо Ольги сразу же стало задумчивым. — Взрывали монастырь — не взорвали, лишь соседние дома разрушились! Так еще лучше придумали: поместили нечисть в святое место — вот и не стерпел монастырь, сам разрушился. А купол... Купол местное начальство на гаражи себе пустило. А стена сама дала трещину! Да, и как не дать? Ведь эки все стены храма матом исписали!

Пока они объезжали монастырь, ни один из них не проронил ни слова.

— И сколь же годков ты не был дома, чертушко? — осторожно спросил Пашка, чтобы разрушить застоявшуюся тишину

— Да лет пять, наверное... — Ответил Михаил и задумался. — Да, так и есть... Как у меня с женой завертелось, так и не был...

— Ну и дурак! — улыбаясь, произнес Пашка. — Кто же ишшо тебе подмогнет окромя своих — то? Вот ты, военный, грамотный, а ентова не понял сразу...

— Твоя, правда... — согласился Михаил и добавил. — Да и перед вами стыдно было...

— А чё стыдиться — то? — снова, улыбаясь, произнес Паш-

ка. — Бабы — оне завсегда один вред...

Не успел он закончить свою фразу, как кулак Ольги треснул его по хребту ниже шеи.

— Дак, нешто я про тебя, моя голубонька? — нежно произнес он, одним глазом смотря на дорогу, а другим на кулак Ольги. — Ты ж у меня к бабам энтим-то совсем не относишься!

— У-у-у, черт мохнатый... — лесть сделала свое дело, мир был восстановлен, тем более, что Пашка полез к ней целоваться. — Смотри лучше на дорогу, черт окаянный!

Теперь она уже отбивалась от его проявлений любви с улыбкой и смущением.

Михаил смотрел на их дружескую перепалку и теплел сердцем.

— Слышь, Мишк... — Пашка повернулся к Михаилу, сидящему на заднем сидении. — На кой черт тебе эта армия? Оставайся у нас: мы тебе такую бабу найдем — закачаешься!

— Может, еще скажешь, что именно у тебя они и есть? — нахмутив брови, грозно произнесла Ольга. — А ну, признавайся, старый охломон!

Почувяв, что в небе запахло грозой, Пашка тут же изменил тактику.

— Дак, я ж на тебя, голуба моя, и надеялся в ентом вопросе! — заявил он, изобразив на своем лице нечто среднее между обидой и оскорблением. — Сама подумай, откуда нашему брату, шоферу, таких — то знать? Нам все больше шалавы

всякие попадают...

– Ой, смотри, Пашка, у меня! – уже с улыбкой пригрозила пальчиком Ольга.

Так, любовно пикируясь, они и ехали, пока не показалась родная улица, сплошь заросшая травой-муравой. Сердце Михаила екнуло, сжалось от боли и провалилось куда-то вниз...

И вспомнил Михаил, как приезжал сюда курсантом, перебирался через забор палисадника и стучал в окно...

– Что, прошлое, небось, вспомнил, изверг? – ехидно произнесла Ольга. – Паразит такой... Все сюрпризом норовил приехать... А нам, каково было?

Но на этот раз их уже ждали: сын Ольги Вовка, выставленный бабушкой в дозор, еще издали заметил отцовский «мерседес – бенц запорожского разлива» и сообщил бабушке.

Она стояла у ворот и покорно ждала.

– Пять лет прошло, а мать нисколько не изменилась! Вот так же она прикрывала рот рукой от радости, когда встречала. А потом прятала лицо, полное слез, когда провожала. Только лучистые морщинки вокруг ее серых и родных глаз стали еще глубже... – думал Михаил, разглядывая мать, которая раскрыв объятия, ждала своего сына.

– Здравствуй, мам... – тихо сказал Михаил, поцеловав в щеку мать. – Ты уж прости, что так долго не появлялся...

– Бог тебе судья, сынок... – так же тихо ответила Надежда Николаевна. – Я тебя всегда жду... Проходи домой!

Пока Михаил дошел до комнаты, он успел пару раз удариться головой о низкую притолоку дверей. Но все же остался доволен: каждый раз, когда бывал дома, с него будто водопадом смывало все то, что успело налипнуть во время службы и в ссорах с женой... Как всегда, ему вдруг стало так хорошо, что он, почувствовав себя маленьким мальчиком, начал дышать полной грудью, не опасаясь ударов от тех, кто находился в это время рядом...

Стол был уже накрыт. Они сели, выпили и закусили. Только тогда мать начала осторожно расспрашивать сына.

– Как там внук мой, Колька?

– Мам, Колька в этот раз не приедет: он оканчивает училище и едет к месту назначения.

– Жаль... Мне очень хотелось на него взглянуть в лейтенантской форме...

– Вот, дурак! – хлопнул себя по лбу Михаил. – Он же передал тебе свою фотку в лейтенантской форме!

Надежда Николаевна смотрела на Кольку и едва сдерживала наворачнувшиеся слезы радости за внука.

– Мам, скажи... Ведь правда, что Колька сильно похож на тебя? – это Ольга не сдержалась и поглядела через плечо матери на фото. – И нос, и глаза, и губы твои...

На обороте фотографии рукой внука было написано: «Милой бабуле Надежде Николаевне Гришиной от сильно-сильно любящего ее внука Кольки. 27.06.91г.»

Слезки одна за другой капали на старенькое платье, с ко-

торым Надежда Николаевна принципиально не расставалась и одевала его в самых торжественных случаях. Она вытерла их уголком платочка и виновато улыбнулась, как бы прося прощения за минутку слабости.

– Боялась, не доживу до этого момента... Ведь внук выходит на родовую линию... – тихо произнесла она, однако в полной тишине все очень хорошо слышали ее слова.

– Это какую такую «родовую линию»? – удивилась Ольга. – Ты мне ничего про это не рассказывала!

Надежда Николаевна улыбнулась.

– Это касается только рода Гришиных...

У Михаила вдруг побежали мурашки по телу: ему показалось, что какая-то большая тайна касается именно его и может сейчас раскрыться.

Но Надежда Николаевна, видимо вспомнив что-то, снова посмотрела на насторожившихся детей и внуков, сказала:

– Как-нибудь в другой раз... – и посмотрела в окно. – Что-то нет Анны! Обещала прийти к приезду...

– Пойду-ка, сбегая за ней! Может чё случилось? – бабушка забеспокоилась и, обратившись ко всем, добавила. – Вы, вот что, ребятки: допивайте, доедайте тут, а я скоро буду...

И, подхватив платок, вышла из дома. Через полтора часа разошлись и все оставшиеся.

3.

Июнь 1991 года, г. Новосибирск.

Уже целых две недели мы с Аней отдыхали: я – от службы, она – от женской доли ждать мужа – военного. Как и обещало руководство, нас с Павлиной не привлекали на обычные операции.

Она вернулась из своего института еще месяц назад и, не прерывая с Анькой связи, регулярно раз в неделю ей названивала. Из этих звонков следовало, что Сашка всю свою жизнь посвятил ребенку, а Павлина из-за этого чувствовала себя виноватой. Чем там она занималась в своем институте парапсихологии и гипноза мне не известно, но ее нашли очень перспективной и упорно развивали в ней какие-то способности. Когда мне передали чемоданчик с компьютером и радиотелефоном, я его поставил в шкаф и больше туда не заглядывал, чтобы он не мозолил мне глаза. Оружие и патроны спрятал подальше, а пейджер хотел бы вообще выкинуть, да обязан был носить всегда при себе.

Вот и сейчас мне было хорошо оттого, что я просто прогуливался с Аней и сыном по свежему воздуху. Нашему Петьке был уже год и восемь месяцев. Радости родителей не было предела, несмотря на некоторые шалости с пеленками нашего любимчика.

Но, как это часто бывает, на самом интересном месте за-

звонил пейджер.

– «Примите информацию» – было написано на нем.

Аня с любопытством и неудовольствием прочитала строчку, развернула коляску, и мы пошли домой.

Открыв свой чемоданчик, я включил компьютер и набрал свой код.

– «Лосю. – свой позывной мне нравился: было в нем что-то могучее от этого животного. Жаль, только я никак не подходил под это определение. – 30 июня 1991 года в городе Верхотурье Свердловской области гражданкой Колесниковой Галиной Андреевной в собственном огороде при рытье котлована под фундамент дома найдены коробка из-под монпансье, доверху набитая золотыми монетами, дневник, записная книжка и чертежи. Ранее в этом доме с 1945 по 1948 год проживал майор ГПУ-НКВД Тимофеев Маркел. По догадке гражданки Коровиной (в девичестве – Колобовой) Анны Семеновны, речь идет о кладе икон и утвари, спрятанных монахами мужского монастыря, и не найденного по сей день. Вам с Павлином надлежит отправиться немедленно в Верхотурье и принять все меры к недопущению утечки национального достояния за рубеж. Отпуск отгуляете после окончания дела. Спрут».

– Вот те и раз: накрылся мой отпуск! Дали отдохнуть...

Код Павлины набрался легко, передать ей сообщение было делом нескольких секунд. Гораздо больше времени пришлось объясняться с Аней и дозваниваться на железнодоро-

рожный вокзал за билетами. До отъезда у меня оставалось четыре часа, которых я и потратил на Аню и Петьку.

– Ты Пашке-то звонил? – спросила Аня, плохо скрывая свою тревогу. – А то ведь одного-то тебя страшно отпускать!

– В Омске должна подсесть в поезд... Жалко, отпуск не догулял!

– Пойдем-ка, я соберу тебя в дорогу, чудушка! – и она ласково ткнула мне пальцем в лоб. От этого мне и вовсе расхотелось куда-то ехать...

4.

Июль 1991 года, г. Верхотурье.

Михаил проснулся оттого, что услышал тихий разговор двух женщин.

Прислушавшись, он тут же узнал в одной из них свою мать. Потянувшись, встал и пошел умываться.

– Мишка, морда бессовестная! Ты чё, ужо и своих не признаешь? – этот ядовитый голос Михаил ни с кем бы не спустил, ибо он принадлежал давнишней подруге матери, которая знала его как облупленного. – Хорош субчик!

– Здравствуй, баб Ань! Доброе утро, мам! Вы чего так рано? – Михаил подошел, обнял, а потом поцеловал обеих в щеку.

– Енто ты, милок, поздно! – усмехнувшись, ответила баба Аня. – Глянь, уж солнышко давно встало, а ты валяешься на

постели! Ох, и разбаловались вы там, в городе...

– Да ладно тебе, баб Ань, я ж в отпуске...

– Вот-вот... Енто сколь лет ты, морда бессовестная, у матери не был?

– Все: сдаюсь! Не вели казнить, вели миловать... – и Михаил протянул ей свою вытянутую шею для казни, чтобы та могла хорошенько стукнуть его по ней.

– Ну, вот, всегда ты так, морда бессовестная! – быстро смирилась баба Аня, смотря на улыбающуюся подругу. – Я ведь к тебе за помощью пришла. Дело есть!

– Какое еще дело может быть к отпускинику? – Михаил продолжал зубоскалить, добривая шею и бороду. – Может это?

И он выразительно щелкнул себя по горлу.

– Вам чё, вчерась, мало с Пашкой досталось? – опять клюнула она Михаила, который тут же поднял руки вверх, сдаваясь на милость победителю. – Ох, надо бы отшлепать тебя, негодника... Ты чё с семьей-то изделал? Бухать начал? Ишь, каку холку отрастил... Собирайси, пойдешь ко мне: вот тама все и узнашь!

Они обе, улыбаясь чему-то, повернулись и вышли. Михаилу ничего не оставалось, как сделать то же самое.

Дом бабы Ани был недалеко, через несколько домов, так что идти далеко не пришлось. Сюда она переехала из Ямской, когда вышла замуж за Ваську Коровина, да так и осталась после его смерти: вернуться к матери в Ямскую не за-

хотела. Вот здесь в 1954 году и познакомилась с учительницей из Сибири Надеждой Гришиной, да подружилась с ней накрепко.

– Ты, Мишк, особо не чваньси! Ить мы-то народ простой... – произнесла баба Аня, строго посмотрев на Михаила, когда тот вошел в дом. – Щаз Верка тебе все снова расскажет. Про дело то...

Когда Михаил вошел в дом, он увидел молодую женщину с ребенком, то не поверил своим глазам. – Не уж-то это та самая Верка? Девчонка из его детства и юности?

Нет, это была статная молодая женщина, в которой было что-то такое, особенное. Именно этого и не хватало бабенкам военного городка Михаила, где тесно переплелись судьбы мужчин и женщин, пышно цвели разврат и пьянство. И тут он понял, что именно в ней он увидел: на деревенском языке это звучало бы как «баба надежная»...

– Здравствуй... – почему-то язык не смог повернуться и сказать «Верка!».

Вера просто кивнула ему в ответ. Когда все уселись, она положила на стол бумаги.

– Вчера в огороде у свекрови нашли коробочку, такую круглую, с золотыми монетами, дневник, чертеж и записную книжку... – она открыла ее где-то на самой середине. – А вот здесь я нашла такую запись...

И прочитала вслух то, что нашла. В комнате стало тихо. Михаил протянул руку и вновь перечитал строчку из запис-

ной книжки.

– Это что, списки какие-то? – переспросил он, не понимая, зачем пришел. – И кто такой «Северьян Гур. Гурьянов?»

– Судя по всему – это мой муж! – ответила хозяйка. – В сорок шестом году он был арестован за то, что искал клад монахов в храме мужского монастыря и видел там начальника колонии Тимофеева: тот тоже искал этот клад! С той поры ничего о нем не знаю...

– Вер, ты дай мне Ниночку: у тебя руки и освободятся... – попросила Надежда Николаевна.

Вера вздрогнула и посмотрела на хозяйку: та тут же кивнула. Молодая женщина смешалась и нерешительно передала Ниночку. Аккуратно уложив ее к себе на ручки, Надежда Николаевна даже засветилась оттого, что держала на руках ребенка. Вспышка минутной ревности исказила лицо матери и тут же она покраснела, поняв, что никто отнимать ребенка у нее не собирается.

– Только мне не понятно про расстрел в сорок седьмом году... – задумчиво произнесла хозяйка. – Почему в Ивдельском следственном изоляторе? И почему там оказался Маркел Тимофеев?

Она оглядела всех присутствующих и продолжила ровным тоном.

– Я ходила в ФСБ, и мне сказали, что сюда приехать должны ученые из какого-то института. Оне ентими делами зани-

маются. Только сдается мене, нам самим с ентим делом надоть разобраться. Мы-то поболее их про нашу землю знам!

– Предлагаю подождать! – Михаил потер руками, показывая, что без завтрака у него нет работоспособного состояния.

– Верк, сходи на кухню да изделай нам чайку, а ентому охломону – чего-нибудь посущественней! – хозяйка улыбнулась, поглядывая на Михаила. – А ты, Кулибин, подкинь-ка дровец! Аль разучилси ентому там, в городе?

Все заулыбались, а Михаил тут же встал и пошел за Верой на кухню.

– Странно, – подумал он, разглядывая фигуру Веры, – Я заканчивал школу, когда она родилась у Наташки, дочери бабы Ани, нянчил ее, качал на руках... А теперь какая выросла!

Между тем, Вера думала тоже об этом, собирая чайные ложки, блюдца и чашки, но совсем иначе.

– Эх, знала бы эта дубина стоеросовая, что я всегда заглядывалась на него из огорода, когда он приезжал ненадолго со своей женой... Думала, мечтала, ждала... Может от того и вышла замуж так поздно, что надеялась на что-то...

Невольно, ища дрова, взгляд Михаила упал на круглый зад Веры. Он и не понял, как рука его сама легла ей на бедро. Вера вздрогнула и выпрямилась, резко повернувшись к нему лицом.

– Еще раз так сделаешь – получишь! – твердо и грозно произнесла она, посмотрев Михаилу прямо в глаза. Спокой-

но взяла и убрала его руку с бедра.

Михаил был не просто удивлен: он был поражен в самое сердце! Мысль, стрелой пронзившая его сердце, была нестерпима. – Надо же было так случиться, что не в его юности, а именно сейчас она нашлась. И не свободна! А если она – именно та женщина, которую, искал всю жизнь? И только сейчас нашел...

Повертев головой оттого, что вспомнилась разница в годах, он непроизвольно тихо выдохнул. – Этого просто не может быть!

– Может, может! – усмехнувшись, произнесла она, по-своему истолковав его слова. – Так получишь, что и костей не соберешь! И не смотри, что я деревенская... Козел!

Михаил покраснел.

– Вер, ты... Извини! Я совсем не то имел в виду... – начал оправдываться незадачливый кавалер: хоть извиняться Михаил не любил, однако в этот раз это делал с удовольствием.

Вера кивнула головой, а, повернувшись, улыбнулась. Но этого уже Михаил не видел. Озадаченный таким поведением Веры, он быстро нашел дрова и накидал их в печку, с удовольствием поглядывая на огонь. Как маленький шалунишка, поставленный в угол, подполковник даже не смел поднять глаз на Веру еще некоторое время. Потом, неожиданно, поймал себя на том, что ему нравится подглядывать за ней.

Однако он не знал, что Вера делала то же самое, только незаметно.

Чайник закипел быстро, и Михаил вышел из кухни.

– Давай-ка, Аника – воин, устраивайси поудобней! – произнесла многозначительно хозяйка и посмотрела на вошедшую Веру, которая чему-то усмехнулась.

– Интересно, знает она про «то» или нет? – подумал Михаил и посмотрел внимательно на хозяйку, а потом на Веру. Не заметив явных признаков издевки, он осмелел и кивнул на стакан.

– Даже и не думай, морда бессовестная! Хватит с вас вчерашнего... – голос матери обрезал все надежды поправить здоровье с помощью опохмела: она явно намекала на вчерашнее застолье.

Огорченно помотав головой, он принялся ковырять вилкой в тарелке...

– Вот теперь ты стал похож на человека! – заметила непримиряемая правдорубка, увидев яркий румянец на его щеке. – Нук чё ж, бум ждать ученых!?

5.

Июль 1991 года, по дороге в Екатеринбург.

Сашка вырулил на шоссе, когда солнышко только-только поднялось над горизонтом. Вчерашний день остался позади.

– Надо же сколько времени я потратил с этим золотом! – подумал он, вспоминая, как распиливал коронку и освобождал зуб, делал из жести коробочку для слитка, расплавлял и

отливал в слиток золото монет. – Да, теперь можно и расслабиться, наконец! Первым, что сделаю в Екатеринбурге, будет обмен золота на деньги...

Он включил магнитофон, поставил любимую кассету Кая Метова и начал мечтать...

Вот он, Александр Колесников, молодой двадцатисемилетний бизнесмен, директор крупнейшей в России фирмы, сидит за столом в своем огромном офисе, а вокруг компьютеры и молоденькая ... Нет, молоденькая и симпатичная... Нет, только красивая, как на рекламе! ... Секретарша со светлыми волосами и голубыми глазами... Или синими? Нет, голубыми! ... Покачивая огромной грудью, несет ему кофе. Короткая тонкая юбочка туго обтягивает ее круглую попку. Он гладит ее по развитому бедру, опускаясь вниз, а она так мило улыбается ему...

– Верни, паскуда, долг, а то убью! – вдруг говорит она хриловато-приторным голосом Клеща и нарушает его идиллию. Мало того, она хватает его свободной рукой за горло...

– Фу, сволочь! – подумал Сашка о Клеще, очнувшись от утреннего наваждения. – Какую сказку... Испортил!

Любовное настроение прошло и Сашка, чтобы хоть чем-то отомстить Клещу, выключил магнитофон.

Невольно мысли сами собой вернулись к недавнему прошлому, связанному с Клещом...

Два месяца назад он случайно очутился в квартирке с то-

варищами по работе. Как обычно, выпили, закусили... Но куражу не хватало! Тогда один из них и предложил смотаться в одно веселенькое местечко...

Когда же Сашка приехал туда, то это оказался бордель с проститутками, официально зарегистрированный как массажный клуб по интересам.

Тогда-то и присмотрел Сашка девицу со светлыми волосами, невинными голубыми глазками и выпирающими из большого бюстгальтера грудями... Свое дело она знала, тем более за большие деньги, а у Сашки от выпитой водки крыша и вовсе поехала: он начал кидаться деньгами, обещал испустить ее в шампанском... Тут его белокурая подружка начала шептать ему на ухо: мол, ничего подобного ни с одним мужчиной не испытывала, чуть не потонула в экстазе... Но, мол, есть еще больший кайф, но он дается не каждому мужчине, даже ему не под силу! Задетый за живое, Сашка пошел с ней куда-то вниз по коридорам, пока не пришел в комнату, в которой играли в карты двое мужчин. Что-то шепнув на ухо невысокому седоватому мужчине лет пятидесяти – пятидесяти пяти, она посмотрела на Сашку и послала ему воздушный поцелуй. Как и куда его прелестница исчезла, он так и не понял.

– Молодой человек, мы ведь здесь играем только на деньги... – заметил ехидно седовласый своим хрипловато-приторным голосом, пристально посмотрев при этом на прибывшего. Его узкие, как у китайца, глазки прятались за нависа-

ющими бровями, а морщины у края глаз вдруг резко обозначились.

– А я и пришел играть на деньги! – храбро заявил Сашка, ища глазами свою «белоснежку», но той нигде не было. Однако отступать было уже поздно. Заметив, как криво усмехнулся хрипатый игрок, он почти выкрикнул. – И не уйду, пока не выиграю!

– Bravo, молодой человек, bravo: не часто встретишь настоящего мужчину! – Сашка так и не понял, шутит тот или говорит серьезно. Однако его зацепили за живое: он сделал шаг вперед.

Хрипатый кивнул головой игроку, сидящему рядом с ним, и Сашке. Игрок встал и, поклонившись, вышел.

Сашке раз за разом везло: он делал ставки все больше, больше и выигрывал. Около него уже образовалась большая куча денег.

– Bravo молодой человек: вам сегодня положительно везет! – похвалил его хрипатый и похлопал в ладони. – Коньяку моему молодому другу и мне!

Азарт захлестнул, захватил, поглотил его целиком: еще никогда Сашка ничего подобного не испытывал! Его голова кружилась от счастья, а сердце готово было выпрыгнуть из грудной клетки. Коньяк он даже не заметил, так хотелось играть дальше и выигрывать, чувствуя себя властелином мира. И он поставил на все, что у него было...

– Ваша карта бита, молодой человек! – Сашка и не понял,

что этот мерзкий хрипатый человек обращается к нему, видя, как во сне, картину, в которой игрок напротив сгребает его деньги к себе. И голос. Хрипатый ненавистный голос. — Извольте расплатиться: с вас десять миллионов!

— То есть... как... десять? — заикаясь, переспросил Сашка, у которого разом слетел весь хмель: огромная черная страшная пропасть разверзлась под ним, а он пытался хоть за что-то уцепиться. Таких денег у него никогда не было в руках, даже чужих!

Однако хрипатый снова пересчитал его долг.

— Молодой человек, вам же при свидетелях сказали, что здесь играют на деньги. А вы что сказали? Что готовы играть?! Так платите! — и он протянул свою волосатую руку.

— У...У...Меня... Нет таких денег! — наконец выговорил он.

— Но ведь у вас есть, наверное, квартира, драгоценности или еще что-то?

И Сашка сокрушенно мотнул головой: он катился в пропасть...

Пришлось отдать Клещу все, что имел, а жену с ребенком отправить в Верхотурье. Но и этого оказалось мало. А через месяц его встретили на фирме, где он работал, два здоровых бугая.

— Гони долг или Клещ тебе включит счетчик! — сказали они без разговоров.

— Не знаю никакого Клеща! — начал было возмущаться

Сашка, но сильный удар в живот переломил его пополам.

– Енто тебе, штоба знал, кто такой Клещ! – сквозь зубы произнес один из бугаев, а другой, ударив его ногой в живот, добавил. – А это тебе, штоб про долг помнил!

Сашка очнулся весь в крови на полу туалета в кабинке рядом с унитазом. Кое-как привел себя в порядок и пошел работать. В этот день он понял: пора смываться! С тех пор он ни разу не показывался в Екатеринбурге. И вот он снова здесь...

– Нужно все сделать так, чтобы эти сволочи меня не прихватили... – подумал он о бугаях Клеща и усмехнулся.

Мало-помалу настроение Сашки выровнялось и он, нажав на педаль газа, стал обстоятельно обдумывать, как ему реализовать золото. Не удержался и вытащил из грудного кармана золотую полоску сантиметров десять, покрутил, прикинул по весу и положил обратно.

– Через банк менять – сильно проиграю! – поддался он своей жадности. – Буду реализовывать через ювелирный магазин. На черном рынке можно нарваться на бугаев Клеща, а встречаться с ним... Что-то у меня особого желания нет!

Найдя приемлемое решение, Сашка успокоился. Вернулось хорошее настроение, но грез о белокурой красотке с большим бюстом, он уже не допускал. В Екатеринбурге Сашка оказался уже в рабочее время и, не позволяя себе расслабиться, сразу же решил заняться делом. Выбрав небольшой ювелирный магазин, новый Ротшильд припарковался на сто-

янку, закрыл машину и, оглядевшись по сторонам, вошел в магазин. Найдя директора магазина, без обиняков предложил ему обменять золото на деньги и показал слиток.

– Вам придется подождать немного, пока не придет эксперт по золоту. – произнес директор и куда-то вышел.

Минут через пятнадцать он вернулся с невысоким, полным и добродушным старичком.

– Ну, те-с, батенька, – без всякой подготовки и приветствия обратился он к Сашке. – Покажите-ка свое золото!

И, взяв из рук Сашки золотую полоску, уселся за столик, вынул из саквояжа свои инструменты, колбочки и лупу. Осмотрев хорошенько полоску, он отщипнул крупинку и бросил ее в колбочку, помотал, поколдовал над ней, еще раз осмотрел полоску и пощелкал языком. Те пять минут, в которые эксперт проделывал с золотом свои фокусы, сердце Сашки то падало в пятки, то снова поднималось вверх раз с сотню. Брови эксперта то вздымались вверх, то опускались вниз. Он то улыбался, то прищуривался, то прищелкивал языком, то качал головой, удивляясь чему-то. Наконец, эксперт отложил свои инструменты в сторону.

– Скажите, голубчик, откуда это золото? – обратился старичок к Сашке.

– Я не обязан отвечать на этот вопрос! Это – золото? Золото! – занервничал хозяин. – Вам чё, этого мало?

– Я ведь, голубчик, почему Вас спросил? – начал оправдываться старичок. – Да потому, что золото такой пробы у нас

лет пятьдесят— шестьдесят как не применяется! Я уж думал никогда больше его и не увижу: раньше такое золото шло на изготовление царских монет — червонцев! Вот и эта полоска переплавлена из них. Вот ведь почему я спросил... Можно покупать — это золото высшей пробы!

— Так — так, значит золото из червонцев? — этот хрипатый и ехидный голос Сашка узнал бы даже спросонья: от страха у него мурашки побежали по коже, и выступил холодный пот. — Интересно, сколько же вы людей оставили без червонцев на этот раз?

Словно удар бича по спине обжог вопрос Клеща: кровь хлынула в голову, все закрутилось и завертелось перед глазами. — Клещ! Это он. Мне конец!

Почти в полуобморочном состоянии, Сашка повернулся на голос: сомнений не осталось — это был Клещ, а рядом стояли те самые мордовороты. И все поплыло перед глазами...

— Спасибо, Василий Сергеич. Вижу, класс твоей работы еще не потускнел! — голос Клеща слышался Сашке, словно во сне. — А это я возьму: у молодого человека передо мной должок...

Вдруг бывший Ротшильд ощутил в голосе Клеща нотки удовлетворенности и сразу же воспрянул духом. — Ну и черт с ней, с этой полоской! У предков возьму другую: лишь бы живым выпустили!

И теплая волна надежды оживила омертвевшее от страха тело. Он медленно поднялся на дрожащих коленях. Ни экс-

перта, ни директора вокруг уже не было.

– Так откуда же у вас, молодой человек, такое золото? – почти черные глаза впились в обессилевшего от страха Колесникова-младшего. – Ведь шестьдесят лет назад и родителей – то твоих не было на свете. Скажешь, не так?

Сашка замялся. Оба мордоворота сделали по шагу к нему.

– Нет, не надо! Я сам... скажу... – крикнул он Клещу. – Их ...нашли...в одном месте...

– Уже теплее... – с легкой иронией произнес Клещ. – Давай колись быстрее! А то мои амбалы уже застоялись. Так, где их нашли?

– В Верхотурье... – чуть ли не со слезами на глазах произнес Сашка. – Рыли котлован, и нашли... на одном огороде... Мои предки купили его...

Лицо Клеща вытянулось: он даже чуть-чуть подался вперед от услышанного, но скоро снова овладел собой.

– Где, ты сказал, этот дом? – хрипло спросил он.

– В Ямской, сразу за оврагом... – в голосе Сашки проявилась надежда на хороший исход дела.

– Тот самый дом! Дом бывшего начальника колонии Тимофеева... – еле слышно прошептал Клещ, однако Сашка его услышал и усердно закивал головой. – А где копали? В какой части огорода копали, спрашиваю?

– Да с дальней... Што со стороны реки Туры... – ничего не понимая, отвечал Сашка. Однако, то, что это место Клещу было известно, как-то даже их уравнивало. И, осмелев, даже

отважился спросить. – А вы откуда это место знаете?

– А ну, заглохни, козел! Здесь вопросы задаю я! – резко бросил тот, сверкнув глазами так, что у бывшего Ротшильда коленки затряслись. – Отвечай, что еще нашли?

– Золотые монеты... В круглой плоской банке, записную книжку, дневник да чертеж какой-то... – ничего не понимая, выпалил разом осмелевший Иуда, прекрасно понимая, что наводит бандитов на родителей: но своя – то жизнь дороже!

– И коробка, конечно, была под завязку... – с ехидством, то ли утверждая, то ли спрашивая, произнес Клещ. Он с презрением наблюдал, как Сашка мотал ему в след головой, когда тот говорил «Нет», а потом «Да». – Ты лучше мне не ври, а то...

– Да – да! Коробка была полная, но мне досталась только треть ее... Остальное – у них...

– Ну, что, Иуда, заложил своих предков? – рассмеялся Клещ, брезгливо смотря на валявшегося в ногах молодого мужика. Не выдержав, он пнул его в бок и отвернулся. – Вот что, Чипа: завтра без напоминаний возьми с собой, сколько надо людей – и в Верхотурье. И чтобы банка с червонцами вместе с записной книжкой были у меня! Понял? Да, полистай дневник... Ежели есть там что-то стоящее, возьми с собой, да чертеж прихвати. А предкам скажи, что этот прохвост побудет у меня в заложниках для гарантии. А сейчас спрячьте его куда-нибудь подальше с моих глаз!

– Это сколько ж лет-то прошло? – Клещ ехал в иномарке,

а мысли неотступно бередили прошлое. – Тридцать? Значит, я был все-таки прав?

Глава 2. Нюрка

1.

Июль 1991 года, г. Верхотурье.

С большим трудом нам с Павлой удалось-таки найти местную гостиницу.

Небольшое двухэтажное здание из рубленых стен меняло свой имидж: видимо и сюда добрались некоторые веяния рыночной экономики. Две молоденькие деревенские девушки, несомненно, гордясь делом, которым занимались, водружали на место таблички с русским названием «Гостиница» новую, написанную кем-то по-английски с тем же содержанием.

– Слышь, Люськ! Чё-то никак не пойму... – темноволосая девушка в белом тонком свитере и черной кожаной мини-юбке держала вывеску. – Чё Валерка-то тута написал? Чё обозначат «Х»? «Отёл» – то я знаю... У самих телочка имеются.

– Ох, и дура ты, Тамарка! – вторая девушка с молотком, светловолосая, в черном тонком свитере и белой джинсовой юбочке, чуть-чуть прикрывающей белые трусики, вбила пер-

вый гвоздь. – При чем тут просто «Отёл»? Тут же ясно написано: «Х» – хороший отёл! А может и «Хреновый» Отёл...

От смеха у нее чуть не выпал молоток из рук на голову подруги.

– Тока пока никак не могу взять в толк, кто же тут телиться будет, ежели постояльцев у нас нетути? – добавила она и вбила второй гвоздь.

– Слышь, Люськ, а енти звездочки-то чё означают? – Тамарка не сдавалась так просто. – Ну, на кой черт ты стока звездочек накрasila?

– Ну, ты ваще! Темная, какая: на всех заграничных табличках звезды указывают! Вот я и нарисовала...

– Люськ, а ты ково нарисовала-то?

– Как ково? – Люська вбила третий гвоздь в табличку. – Ну, директора нашева – Валерку, бухиню, обязательно: она звезда у нево до обеда. Секретаршу Раечку – она звезда у нево опосля обеда. Да мы с тобой. Чё, не звезды? Звезды! Когда захочет – тоды и имеет! Вот пять и получацца...

– Чё, Люськ, и я туды попала? – обрадовалась копноголовая темноволосая.

– Попала, попала... – Люська ловко вогнала в дерево последний гвоздь и тут же, заметив нас, ее голос с игривого разом превратился в угрожающе – допрашивающий. – Вам чево, граждане? Ежели просто поглазеть на красоту, то проходите мимо!

– Нам гостиница нужна... – улыбаясь, спрашиваю: мне де-

ревенское общение всегда нравилось. – Два разных номера.

– Идите за мной, граждане! – Люська тронула плечо подружки. – Ты поняла, как поперло?! И всево – то сменили табличку...

Уже в крохотной комнатке без всяких удобств, связываясь со Спрутом и запрашивая специалиста по церковным ценностям и разрешение через МВД на начало работ.

Встретившись внизу гостиницы с Павлой, решили: поскольку времени с начала дня прошло немного, то есть смысл поговорить с самой Анной Коровиной, а там уж как пойдет...

Мы шли к конечной остановке автобуса, которая была в центре, чтобы потом направиться в Заречную часть города: именно там и жила наша Анна Семеновна Коровина. Взгляд сам собой упал на монастырь, который возвышался справа. Купол храма напоминал решетку для птиц, а по стенам то там, то здесь шли трещины. Одна башня даже упала бы совсем, да местные умельцы возвели под нее толстое бревно: вот это бревно и удерживало ее в наклонном положении, гораздо большем, чем знаменитая Пизанская башня.

– Да что за варвары здесь живут?! – невольно вырвалось у меня. Павла кивнула.

– Там зэки! – вдруг ответила на мой вопрос молоденькая стройная девушка, которая обгоняла нас и слышала мои слова. Неожиданно остановилась и более пристально посмотрела на нас. – Вы, наверное, не здешние... Мы уже не

обращаем внимания на это!

Мы кивнули в ответ. Однако девушка еще более внимательно посмотрела на Павлу, на меня, на наши чемоданчики, и смущенно произнесла. – А вы не ученые, случаем?

— Тут к бабе Ане двое ученых должны были приехать... – искра надежды горела в ее глазах, однако, она терпеливо ждала нашего ответа.

— Это к какой такой бабе Ане? – переспрашиваю, совсем забыв про легенду, по которой мы – ученые, но Павла вырывает, кивнув ей головой.

— Ой, как здорово! Вы к Коровиной Анне Семеновне? За-речная 18? Ой, да как же я вас сразу – то не узнала?! Как хорошо, что я вас тут встретила! А то бы чё я потом бабе Ане сказала? – защебетала она, радуясь, что все так хорошо устроилось.

Мы с Павлой переглянулись: никто из нас такого развития событий даже и не предполагал.

— Да, видимо здесь нам придется удивляться чему-то немало раз... – подумал я и настроился на неожиданности.

— А это наш Троицкий монастырь! Правда, сейчас в нем библиотека... А это подвесной мост! Он на канатах держится... – трещала наша сопровождающая, исполняя роль гида. – Вы держитесь руками за верхний канат! У нас так все приезжающие делают, пока не привыкнут...

Павла шла, да то и дело ойкала, чувствуя, что мост уходит из-под ног. Я бы так не говорил, но и сам это прекрасно

ощущал, однако, мужское самолюбие не позволяло мне так бурно проявлять свои эмоции. Наконец, это чудо света было пройдено, и мы спокойно вздохнули полной грудью.

— Ну а с мужским — то монастырем что стало? — не удерживаюсь и решаю снова послушать словоохотливую сопровождающую.

— Обиделся монастырь на людей! — не верю своим ушам: так могла ответить мне Павлина, но она просто улыбается, а эта простая деревенская девушка вместо нее произносит эти слова. — Железо с купола разворовали зэки и их начальники, стены храма они исписали матом, в кельях разместили много всякой нечисти. Разве ж мог такое выдержать храм божий? Вот он и обиделся — дал трещину...

Павла молча кивнула ей головой, полностью соглашаясь с ее трактовкой, а мне и сказать-то, было нечего...

Мы шли по тротуару из двух-трех досок, медленно поднимаясь в горку, пока наша провожатая не скомандовала повернуть направо в улочку, сплошь заросшую травой-муравой. Лишь две параллельные полуканавки, выбитые в ней машинами, светились желтовато-красной землей.

— Вот это домик Гришиных! — обрадовано произнесла наш гид, показывая на небольшой домик в три окна, выглядывающих из палисадника. — Здесь живет лучшая подруга бабы Ани. Уже скоро будет и ее дом!

Смотрю на этот дом и пытаюсь понять. — Что за люди живут в нем? Вот сидит серый кот на крайнем столбе палисад-

ника и усердно чешет себе ухо.

– Опоздал, усатый! – наша провожатая честно отрабатывала свое назначение: даже мой пристальный взгляд не ускользнул от нее. – Сын тети Нади еще два дня назад приехал! Подполковник, правда, вдовый... Три года назад умерла жена, а он никак не женится... Хоть и молодой еще!

Мы с Павлой переглянулись. Тут наш информатор повернулся с удивленным лицом.

– Я же вам не сказала главного – меня Светкой зовут!

Мы заулыбались, видя, как она побежала вперед сообщать о нашем приезде, и молча пошли к дому бабы Ани.

Хозяйка встретила нас прямо в воротах. С первого взгляда на эту женщину, куда-то сразу же улетучилась та обычность, присущая всем старушкам: она оставляла после себя нечто, магнетически притягивающее к ней снова и снова. Ни слегка выцветшие глаза, видимо когда-то бывшие ярко голубыми, ни крючковатый нос, ни седовато-рыжие волосы, торчащие в разные стороны, так и не смогли перевесить этого пристально – взвешивающего и изучающего нас взгляда, выдававшего, однако, человека открытого, резкого и энергичного.

– Заждались мы тут вас... – без всякого промедления произнесла она то, что думала, но сейчас же спохватилась. – Ой, гости дорогие! Не обращайтесь на меня, старую, ворчливую, внимания! Здравствуйте, проходите, пожалуйста!

– А почему вы нас ждали? – мне почему-то захотелось

укусить эту старушеницу.

– А потому, как это я ходила в ФСБ. Вот там мне и сказали: должны приехать двое ученых. Из какого-то института. Вот они и займутся моим делом, разберутся на месте. Решат, есть тут клад или нет!

– Да уж... Специалисты мы с Павлой покладам! 0-о-очень крупные! – ехидная мысль о наших способностях в этом деле, заставила невольно усмехнуться. – Даже и не знаю, как к этой проблеме подобраться...

Однако хозяйка все сделала по-своему.

– Вы тута располагайтесь, а я Светку пошлю за Гришины-ми! – ни я, ни Павла не удивлялись этой деревенской привычке называть друг друга просто по имени. Даже взрослых называли так, и никто не усматривал в том плебейской зависимости или унижения. Городок в тридцать тысяч населения по сути своей так и остался большой деревней, где все знали друг о друге почти всю подноготную, а новости распространялись быстро от одного к другому...

Представив хозяйке документы для просмотра, мы прошли в дом, где нас и посадили на старенький диван. Через пару минут из кухни вышла молодая женщина с подносом, на котором стояли чайник, чашки и печенье.

– Кстати, знакомьтесь, это моя внучка, Верка Колесникова! – хозяйка ласково провела рукой по спине внучки и улыбнулась ей. – Она-то и рассказала мне о находке...

Увидев, как та смотрит озабоченно на соседнюю комнату,

хозяйка положила руку на плечо внуки.

– Да не переживай ты так: никуда она не денется! Вот проснетси – подойдем... – внучка кивнула головой и молча стала разливать чай на семерых.

Не успел я сообразить, на кого это разливался чай, как дверь хлопнула и в комнату вошла пожилая женщина и мужчина моего возраста, подтянутый и улыбчивый. Короткая прическа скрадывала седину его темно-русых волос.

– Подполковник Гришин Михаил Николаевич, с кем имею честь разговаривать? – протянул он мне руку и крепко пожал, смотря прямо в глаза.

Я тоже встал, и чуть было не сказал: «Майор Дубовцев!», но вовремя спохватился: вот ведь проклятая привычка – срабатывает там, где не надо!

– Дубовцев, Глеб Петрович! Рад знакомству... – видать по всему, подполковник Гришин был человеком порядочным. Мне же это сейчас было просто необходимо. – Черт его знает, как все это обернется! А поддержка такого человека, тем более – военного, великое дело! Павлина... Она, конечно, человек проверенный, надежный, но ведь она – женщина! А это уже само по себе плохо...

Гришин кивнул мне и как-то по-особому усмехнулся. – Не иначе, вычислил меня! Ну, да и я хорош, конспиратор хренов! Даже заранее не продумал, как себя вести в таких ситуациях...

Однако Гришин не стал показывать ни словом, ни жестом

другим о том, что я тоже военный. – Это хорошо! И его взгляд говорил, если не ошибаюсь: «Понимаю! Вижу, ты человек военный... Постараюсь быть другом!». Не скрою, могу и ошибаться, но нутром чую – человек он свой!

Мне показалось, что и Павла, здороваясь с ним, осталась о нем хорошего мнения. С матерью Михаила поздоровался с почтением и уважением: это была седая женщина невысокого роста с печальными глазами. Мне даже показалось, что Павла как то по особому тепло посмотрела на нее.

Слушаю Веру и бабу Аню про находку, пью чай да наблюдаю за этими простыми с виду людьми. Повертел – повертел в руках шифровку в записной книжке, но так ничего путного в голову и не пришло – передал другим. Михаил тоже ничего не придумал и передал ее Павле. – Ну-ну, госпожа парapsи-холог, посмотрим, чему вас там, в институтах, учили!

– Номер сто двадцать один. Северьян Гурьянович Гурьянов... – глухим голосом произнесла она, положив свою ладонь на текст записной книжки. Анна Семеновна от этих слов чуть не выронила чашку из рук – так неожиданно страшно прозвучали слова Павлины. – Расстрелян в сорок седьмом году в Ивдельском следственном изоляторе. Сообщил о кладе монахов в Верхотурье. Надо пройти сто шагов по левой стороне подземного хода от двери храма мужского монастыря... Больше здесь ничего интересного не написано!

И Павла посмотрела на хозяйку, в глазах которой стояли слезы.

– Я... Я... Я так и думала... – почти шепотом произнесла та, смотря в глаза Павле. Боль, скрытое волнение, пережитое страдание. Сейчас все это читалось легко по ее скошенным бровям, руке, лицу и другой руке, не знающей, куда деться. – Это... Это... Мой первый муж! В сорок шестом его арестовали. Как раз за то, что видел Тимофеева там, в храме! Он тоже искал этот клад... А ты-то, любезная, как про то узнала?

– А я и не знаю: просто взяла и прочитала! – мне показалось, что Павлина знает гораздо больше, чем говорит, но эффект от расшифровки был такой, что даже я забыл об этом.

– Ну, Пашка, во дает! А я-то думал... Так может у нас есть хоть какой-то шанс раскрыть это дело? Раз у Пашки такие способности?!

И неожиданно почувствовал настоящий интерес к этому делу.

– Баб, я недавно нашла... тот зуб, из-под коронки... – нерешительно произнесла Вера, вытащив из кармана двумя пальцами бумажку. – Сашка золотую коронку спилил, а зуб выкинул. Сама не знаю, почему взяла... Может и он пригодится?

– Конечно! – говорю это уверенно, будто наперед знаю, что понадобится. – Ну и нахал!

Так ведь мало того, беру зуб в бумажке, спокойно кладу себе в карман и объявляю. – Значит так: все, что будет хоть как-то касаться этого дела, отдавайте мне! Это – веществен-

ные доказательства... И чем их будет больше – тем лучше!

Пока зуб в бумажке переключивал сначала в пакетик, а потом в кейс, неожиданно выяснилось, что хозяйки-то дома около меня нет! И Павлы – тоже! Пока осмотрел улицу, двор прошло немало времени, и только в огороде и нашел их обеих.

Через огород хорошо был виден огнем горящий купол Троицкого собора. Видны были и ребра купола храма мужского монастыря, напоминавшие рейхстаг во время взятия Берлина нашими войсками в сорок пятом. Только в этот раз действовали свои. – Ну, что уж тут поделаешь: ведь и гаражи тоже надо строить!

Наша хозяйка безучастно смотрела на утес и монастыри. Мне даже показалось, что сейчас ее нет с нами: она была где-то там, далеко... — Только где? В каком времени?

Глухо кашляю, давая ей понять, что мы оба здесь. Хозяйка вздрогнула и посмотрела на нас своим полу отсутствующим взглядом. Впервые за столь короткое время знакомства, в этих глазах мелькнула такая глубокая и застарелая боль, что мне даже стало как-то неловко за то, что вмешался в столь интимный процесс общения с прошлым. Пожалуй, то же самое заметила и Павла: она даже приложила палец к губам, показывая мне, что говорить ничего сейчас не следует. Однако Павла меня удивила еще больше тем, что присела с ней рядом и взяла ее за руку, а хозяйка молча посмотрела на нее и улыбнулась! И это притом, что была где-то далеко-да-

леко... – Ничего не понимаю, как такое может быть!

И, тем не менее, сажусь поблизости и жду. Чего?

– Бедное сердечко уж сколько годков ноет... – как бы, между прочим, произносит Павла: хозяйка вздрогнула и со страхом уставилась на нее. – Хуже крапивы жжет его обида...

– Как... Ка-а-а-кая... Обида?! – хозяйка уже с благоговейным ужасом всматривалась в глаза этой некрасивой, очкастой молодой женщины, разом вспотев и вострепешившись от оцепенения: она вдруг поняла, что эта женщина чувствует ее страдания. – О-о-о-откуда... Вы это... Знаете?

– Да еще с детства... Обида... На свою собственную мать! – тихо произнесла Павлина, глядя ей прямо в глаза: хозяйка смутилась и опустила голову.

– Да што, ты, матушка, можешь знать-то... Про мою обиду? – глухо грудным голосом произнесла пожилая женщина.

Столько боли и печали было в этих словах, что я замер, боясь даже шевельнуться: мне казалось, что посторонний человек не должен копаться в таком, самом сокровенно, интимном... Но и тут ошибся: вдруг хозяйка из согнувшейся дряхлой старухи как-то разом, стряхнув с себя груз прошлого, выпрямилась, и даже расправила плечи! Мне даже показалось, что это некая грозная и могучая орлица осматривает окрестности, а не облезлая ворона! Такая метаморфоза просто ошарашила меня и обрадовала.

– Да, ты, матушка, права! Тебя ить Павлинушкой кли-

чут-то? Красивое имя... Чё уж там... Топерича уж и не стыдно это признать, хоть и горько! Держала... Почитай аж с самого детства держала! А знаешь почему? Хошь скажу?

Павла кивнула головой.

– Больше всего меня обижало, когда мать обзывала «Сысоевой кровью»... Я и сейчас не знаю, чё енто такое и чё оно означат... «Сысоева кровь»! Мовет енто у нее така обзывалка была? А мовет мужик, какой так ей напакостил, что она меня, свою дочь, так называла... – Анна Семеновна посмотрела на нее, ища у нее поддержки и ответа. – А ишшо обижало тогда, когда она с укором говорила мне: «Лучче бы я отказалась от тебя, а не от той!» Какой той? Не было у нее никакой той! Не знаю я никакой той! Правда, только перед смертью самой попросила маманя у меня прощшения за то... Но ведь я-то так никогда и не узнаю, чё ж все енто означат?! Вот так и живу, с ей, обидой чертовой, прямо в сердце!

Тут хозяйка посмотрела на меня и усмехнулась.

– И то верно: такой – то грешницы как я – ишшо поискать надо! Так что мать была права: не напрасно так обзывала...

Жестокая ирония, с которой Анна Семеновна рассказывала о своей жизни, невольно заставляла уважать эту пожилую женщину, сильную духом и по сей день...

– А дефькой – то я была, ох и сорви – голова! Любила подраться с мальчишками, по лесу допоздна побегать. Все время на речке пропадала. Однажды осенью мать меня и соседску девчонку в сторожке оставили, дак я тогда уж пока-

зала бобрам Кузькину мать!

Меж тем, увлекшись рассказом хозяйки, выпускаю из виду Павлу, которая по-прежнему держала руку Анны Семёновны в своей руке, слушала ее рассказ. Да и мне, потому что Павлина взяла мою руку в свою, он тоже виделся так, как рассказывала Анна Семёновна.

2.

Начало ноября 1927 года, г. Верхотурье.

В том году долго стояла теплая осень, но уже по утрам белым инеем куржавило траву, оставляя черно-зелеными проталинами следы человека, рано ушедшего из сторожки. Солнышко, однажды выглянув из-за деревьев, тут же начинало разрушать всю эту холодную красоту, пытаюсь, из последних сил показывать, кто в этом мире хозяин.

Но даже его ласково-теплое прикосновение не могло быстро разрушить результаты работы Мороза Ивановича, все чаще и чаще приходящего сюда по ночам.

Восьмилетняя рыжеволосая девочка, улыбаясь, встречала солнышко, протянув к нему свои полные руки. Она покосилась на след от двух ног.

– Знать уж давно ушла мамка-то... – подумала она и ногой нащупала осторожно дощечку под ногами, почему-то не вызывавшую у нее доверия. Наконец, решившись, Нюрка наступила на нее: доска с хрустом лопнула, а нога угодила пря-

мо в щель и укололась. – А – ай! Ить знала жо... И усе-таки наступила!

Резко выдернув ногу из щели, она запрыгала на другой ноге, трясая в воздухе больной: красные капли одна за другой появились на бревне, по которому прыгала девочка. Слезы застыли в ее глазах, но она, резко сжав веки и выдохнув вместе с воздухом свою боль, не заплакала, а наоборот, плотно сжав рот, снова ударила той же ногой по доске в отместку ей. – На тебе! Буш знать...

Доска, жалобно хрякнув, подпрыгнула и отлетела в сторону, открыв взору блеснувший на солнце предмет. Довольная собой, рыжая конопушка не могла этого пропустить.

– А енто ишшо чё? – она наклонилась, совершенно забыв о былой боли и крови, которая капала с ободранного пальца ноги, и рукой начала шарить в черно-серой земле. Уколов теперь палец руки, Нюрка взяла палку и начала ей шурудить, разбрасывая все вокруг, пока на конце ее палки не появился крест.

– Станный какой-то... – она рассматривала крест и удивлялась его размерам и форме. Действительно, крест, найденный ею, был велик, имел плоские ровные грани и зубчатую перекладину, смещенную к нижнему краю вертикального стержня. – Вроде крест... А вроде и нет! И откель он тута взялся? Да ишшо на веревочке... Могёт дед оставил? Жаль, вот ево нету, шаз ба сказал!

Неожиданно откуда-то нахлынувшее чувство любви к де-

ду, которого смутно помнила, но всегда ласковому по рассказам матери и в ее представлении, вызвало неожиданно набежавшую слезу. Нюрка смахнула ее рукавом, шмыгнула носом, протерла ласково крест и снова уставилась на него.

– Мовет дед положил, а я вытащила? – смутное подтверждение существования деда и хоть какое-то объяснение происхождения находки, неожиданно ее подстегнули. – Надоть убрать ево подальше. Вот приедет дед и спросит: «Куды вы крест подевали?» Чо тоды скажу?

Простая, свойственная любому деревенскому жителю с младенчества, мысль о том, что у каждой вещи есть свое место, тут же распространилась и на находку. Уверенность в том, что об этом месте обязательно дед должен узнать, когда снова появится здесь, заставила работать ее практичный ум. Оглядев сторожку на предмет возможного использования в качестве места для хранения креста, Нюрка сразу же отвергла все гвоздики на стенах и под крышей: ей показалось, что, спрятав под доску крест, дед не хотел его показывать кому-то чужому. Поэтому и остановилась, наконец, на глубокой и широкой щели, куда свободно мог бы войти крест, при этом оставаясь незамеченным. Кроме того, эта щель в фундаменте ей понравилась и тем, что там было всегда сухо.

– Вот приедет дед, пойдет искать свой крест, а он грязный и мокрый... – рассуждала она, засовывая крест-ключ в щель. – Ить ему-то такой-то и в руки брать будет неприятно, А тута он сухонькай и целенькай!

Она еще раз посмотрела в щель и, убедившись, что находка не видна, довольная уселась на бревно. Но сидеть ей так пришлось недолго: в сторожке что-то загрохотало.

– Вот зараза, Верка! – Нюрка явно не симпатизировала своей новой сестре. – И пошто мать приняла в нашу семью енту заразу?

Не спеша, встала с бревна и приоткрыла дверь сторожки.

– Уймися, чимуродная, а не то я тебе рот-то быстро законопачу! – крикнула рыжая конопушка девчонке на целую голову ниже ее ростом, стоящей у самой двери.

– Исть хочу... Иде твоя мамка? – захныкала она, кулачками растирая слезы.

– Ты ишшо рожу-то не умывала, а исть ужо просиш! – тут Нюрка и сама вспомнила, что не умывалась и не ела с утра: словно подслушав ее мысли, в животе у рыжей бестии заурчало.

Плеснув себе в лицо обжигающей холодом водицы из кадки, Нюрка быстро вытерлась подолом сарафана и тут же заскочила в строжку: нос сам определил, где находится еда.

– Картошечка... – быстро определила она, подняв крышку чугунка, и пустила слюну...

После завтрака они с Веркой разбежались по разным углам: Нюрка пошла проведать бобров, прихватив с собой удочку с червяками, накопанных ею еще вчера, а Верка осталась в сторожке шить себе куклу.

Мать пришла бледная как смерть. Устало упав на то самое

бревенно, на котором утром прыгала Нюрка, она закрыла глаза и медленно навалилась на бревенчатую стену сторожки.

– Ну... Топерича – усе! – скорее прошептала, чем сказала вслух мать, однако Нюрка, только что пришедшая с речки, все же услышала ее: она сорвалась с места и исчезла в сторожке. А через мгновение вернулась с кружкой воды, которую и подала матери.

Мать, вдруг открыв глаза, полные безумной ярости, неожиданно ударила по протянутой руке. Да и выплеснула воду прямо в лицо ничего не понимающей Нюрке.

– Пошла прочь! – даже не сами слова, а то, с какой презрительной интонацией они были сказаны, да выплеснутая в лицо вода сильнее булатного меча ударили в самое сердце Нюрки: они обожгли не руки, не тело – они обидели саму душу ее, нанеся ей долго незаживающую рану. – У-у-у, Сысоева кровь!

Кружка вывалилась из ее рук, горло перехватил жуткий спазм: Нюрка начала задыхаться... Но мощный организм девочки уже сам спешил ей на помощь: она закашлялась и согнулась пополам.

– За чё? За чё? – твердила она, пытаясь понять, за что с ней так жестоко обошлась ее мать – единственный на свете человек, которого Нюрка так любила и берегла...

Девочка закрыла лицо руками, чтобы спрятать свои глаза и закрыть дорогу злым словам в свою душу, истекающую кровью, от своей же матери. А через мгновение, уронив на

тропинку ведерко с рыбой, бросилась бежать к реке, не разбирая дороги...

Но разрушительная Дарьяна ярость все же достигла своей цели: Нюрка, схватив первую попавшуюся под руки лесину, вырвала ее с корнем и начала расшвыривать бобровскую хату, которая как на грех, попалась ей первой на пути.

Уже потом, расшвыряв ее всю до основания, девочка усе-лась рядом и заплакала горько, воя и катаясь по траве. Выплакав все слезы, она встала, и начала снова собирать боброву хату.

– Простите... – блестящие от воды на солнце хозяева-бобры молча смотрели своими черными глазами, фыркая на нее за такое поведение.

И обида в сердце девочки неожиданно уступила место той любви, которой одаривали эти независимые животные Нюрку – это был самый первый тяжелый урок в ее жизни и поэтому самый важный. Будут потом еще обиды, но теперь она знала, как надо с ними бороться!

А вечером, придя в себя, Дарья перевезла девчонок через Туру на лодке в дом Федьки Бегунка. В тот день Нюрка, уже отошедшая от незаслуженной обиды, неожиданно заметила, как сильно за один день вдруг состарилась и поседела ее мать. Желая хоть как-то пожалеть ее, Нюрка протянула к ней руку, но тут же убрала, натолкнувшись на жестокий Дарьин взгляд, презрительно говоривший: «Не смей ко мне прикасаться, Сысоева кровь!», и, отвернувшись, девочка с

трудом справилась со слезами, вспомнив урок, который преподали ей бобры. Однако и в этот раз Дарьина жестокость пробила Нюркину защиту.

– Ладно-ладно... Раз вы, маменька, хотите какую-то кровю, вы яе получите! – это откуда-то изнутри Нюрки выползло нечто страшное и злое, вдруг полноправно заявившее о себе. Дрожь охватила девочку – такой она еще себя не знала, но уже начала понимать, что и остальные тоже скоро узнают. И злая, жестокая ухмылка исказила конопатое лицо с гривой рыжих волос...

– И ведь только одного такого Сыся и помню... Да и жил он в самом начале Ямской! Что, правда, то, правда: этот Сысой частенько с матерью ругался. Да он как раз и жил раньше, еще до войны, в том самом доме, где в огороде у Колесниковых монеты царские нашли! – Анна Семеновна улыбнулась. – А поговорка-то мамина, как банный лист ко мне прилипла... Ужо двадцать лет прошло, как мама в земле сырой лежит, а я все какую-то кровь вспоминаю!

Смотрю на эту женщину и удивляюсь: седые волосы с рыжатиной, глубокие морщинки в углах глаз, вялая кожа, а молодости и энергии в ней было столько, что дать ей ее семьдесят два года язык не поворачивался. Даже та интонация, с которой хозяйка посмеивалась над юностью и детством, только подтверждали мое предположение.

– Анна Семеновна, а за поведение в школе вас, наверное, сильно ругали?! – неожиданно выскочило у меня. И тут же

смущаюсь. – Вот, дурак, человека в неловкое положение поставил!

– Это точно, еще как часто ругали! Учителя плакали... Да мать с дядей Федей выручали. – улыбнулась озорно ожившая хозяйка, но тут же хмыкнула. – Только потом отлились волку овечкины слезки! Может когда-нибудь и расскажу... Но вы правы: учиться в школе мне совсем не хотелось и не нравилось. Мне надо было быстрее узнать все о жизни. Той самой, что бушевала за стенами школы, а тут сиди, учи эту арифметику! Вот и сбегала с уроков, скандалила... А дома меня потом драли ремнем, но скоро все начиналось сначала...

3.

Декабрь 1929 года, г. Верхотурье.

На Урале зимы всегда были холодными, но в тот год – особенно. В классе, не смотря на то, что буржуйка была раскали-на докрасна, было очень холодно. Казалось, будто ты на улице – выдохнешь воздух из своих легких и он дымком, кру-жась и вылетая из раскрытого рта, становится заметен. Больше всего мерзли руки и ноги. Вот и получались кляксы и ко-рявые буквы в тетрадках!

– Хорошо хоть мать катанки дала! – подумала Нюрка, си-дя в стареньком пальтишке за столом и засовывая свои ру-ки в пространство между валенками и икрами своих ног. По мере того, как согревались руки, учительница, поглядывая

на Нюрку, все больше и больше злилась.

– Эй, Колобова, ты чего улеглась? Это тебе не кровать! – терпение учительницы лопнуло. – Совсем обнаглела эта девчонка – улеглась спать прямо на уроке! И чем только занимается дома? И ведь родители люди приличные: отчим – предисполкома, мать – доярка. А эта? И в кого такая уродилась? Рыжая, злая, беспокойная... Вон ее сестра – так совсем другое дело: и прилежная, и тихая, и послушная! И все уроки дома делает. Ну, совсем не похожа на эту бестию!

И Елена Степановна сокрушенно покачала головой.

– Щаз... – Нюрка тянула. – Ну, еще хоть немножко погрею руки! Ну, ишшо хоть чуток!

А вслух произнесла. – Вот тока карандаш на полу найду!

– Врешь ты все, Колобова! – учительница решительно двинулась между столами учеников, собранных отовсюду. – А ну, покажи твой карандаш!

Верка потихоньку стащила свой карандаш со стола и под столом передала сестре.

– Нате вам карандаш! – нахально заявила Нюрка, показывая учительнице карандаш Верки.

– Елена Степановна, енто Верка ей карандаф подсунула! – ехидный голос Евстратки Минаева Нюрка узнала бы даже при самой темной луне ночью.

– У-у-у, вражина! Гад ползучий... Везде свой длиннай нос суеть! Фингал-то ишшо под глазом не прошел? Моя работа!

На какое-то время Нюрке стало даже весело, но ее самый

главный враг в классе не шутил. – Елена Степановна, я сам енто видел!

– Так-так, Колобова... – в голосе учительницы явно слышалась угроза.

А по языку, высунутому Евстраткой, Нюрка поняла. – Училка ему поверила! Ужо топерича ничо хорошева не жди!

И снова показала кулак Евстратке.

А учительница вдруг произнесла. – Значит, не сидится на месте? Тогда иди-ка к доске! Будешь решать задачу...

– В одном дворе было две коровы и две лошади... – начала диктовать учительница.

– Как у нас... – услышав довольный голос Евстратки, несколько учеников засмеялись.

– ... Нужно сосчитать... Колобова – не верти головой! ... Сколько животных осталось во дворе!

– А чё тута шшитать? – Нюрка ехидно посмотрела на Евстратку и показала ему язык. – Ни одна животнова не остатца!

– То есть, как? – теперь удивляться пришла очередь учительницы.

– Да так: вчера к нам приехал из Перми наш дядька Кузьма. Сказывал: «Кулачить бум тех, у ково две коровы да две лошади!» Так што у Евстратки все заберут!

– Вреф, гадина! – Евстратка вскочил, бледный как стена, покрытая инеем: чуть пена у него не пошла изо рта, так он разозлился на Нюрку. – Вафы комуняки нам всю фысть ис-

портили! Топерича и последнее хочут забрать?

Учительница побледнела – она не знала, как в этом случае правильно поступить: с одной стороны навстречу Евстратке рвалась Нюрка, защищая коммунистов, а с другой стороны сам Евстратка готов был броситься на нее с кулаками, защищая свою собственность. Но хуже всего было то, что сама Елена Степановна ровно ничего не знала про грядущее раскулачивание...

– Кто знат, моет ты, Евстратка, и в колхоз ишшо пойдеши? Дак тоды твои коровенки при тебе и остнутца! – Нюрка ехидно издевалась на простодушным Евстраткой, показывая ему то кулак, то язык, то фигу, а иногда и пинала воздух своим валенком. Класс замер, понимая, что вот-вот произойдет что-то страшное.

– Енто иффо, какой такой колхоз? – Евстратка вдруг почувствовал, что Нюрка сама не знает, что это такое, а поэтому сделал ей такую ехидную гримасу, оттянув двумя пальцами одной руки кожу нижних век вниз, а указательным пальцем подняв кончик носа вверх. Все рассмеялись. – Ну, чё, съела, Колобок?

– Ты, Колобова, садись... Садись на место! – учительница уже тащила упирающуюся девочку к ее столу. Однако Нюрке удалось вырваться из рук учительницы, и она своим крепким кулаком ударила Евстратку прямо в нос, из которого тут же брызнула ярко-красная кровь на стол и на пол. Евстратка сжался и заревел...

– Колобова! – вот теперь в голосе учительницы снова появился металл: уж в этот – то раз она хорошо знала, что ей положено было делать! Да и испуг уже давно прошел. – А ну, становись в угол! Будешь там стоять, пока не попросишь у Минаева прощения!

– Не дождетца! – отрезала Нюрка, направляясь в угол, в котором уже не раз стояла. – Кулак недобитый!

– Ты... Ты... Ты иффо получишь! – захлебываясь кровью, выкрикивал Евстратка. – Я... Я... Я братану скафу! Он... Тебе... Таку козью морду изделат, не обрадуеффя!

Нюрка простояла в углу до конца урока, потом – до конца следующего и так до конца занятий. На подгибающихся коленях, но все же гордая от того, что настояла на своем и не попросила у ненавистного Евстратки прощения, она шла домой. Единственное, что ее огорчало сильно, было требование учительницы прийти в школу с родителями.

Дома уже все знали о происшествии, когда непокорная ученица явилась домой. Дарья, сняв ремень со стены, тут же начала гоняться за Нюркой, норовя больнее зацепить ее концом ремешка. Кончилось все тем, что бунтарка забралась на полати, где уже притаилась Верка. Показав кулак сестре, она с удовольствием растянулась на теплых полатях.

Когда же вечером с работы вернулся Федор с Кузьмой Вагановым, Дарья подробно рассказала ему о выходе Нюрки.

– Ты, вот чё, Дарья... – Федор даже и не подумал сердиться на приемную дочь: он видел это событие совсем иначе. –

Отводи-ка ты, от греха подальше, к себе на ферму нашу Мар-ту!

– Да ты чё, с ума сошел? Как мы будем без коровы-то? Ить без коровы совсем помрем! – слезы полились из ее глаз.

– Ну, не плачь: даст бог – выживем!

– У-у-у, проклятушшая! – и Дарья показала кулак не ко времени высунувшейся с полатей Нюрке. – Одно слово: Сысоева кровь!

Ее обожгло сильнее огня от этих слов.

– Ну, я-то чё? Чё я-то? – девочка размазывала по лицу слезы от обиды и теперь уже сама винила во всем свою учительницу, повторяя за Дарьей и грозя кулаком далекой училке. – У-у-у, проклятушшая! Штоб я, да училкой? Да ни в жисть!

– Стыдно признаться, но был в моей жизни детской один момент, когда я сильно-сильно злорадствовала. – Анна Семеновна палкой ковыряла землю у завалинки. – Может оттого, что тогда всего не понимала. Да и чё понимать-то было? Да и никто тогда не понимал, почему раскулачивают. Но я радовалась: моих заклятых врагов раскулачивали! Это уже потом, много лет спустя, я совсем по-другому посмотрела на это дело. А тогда? Тогда у нас была своя ватага, и я была в ней атаманшей! Не похоже? И, тем не менее, факт. Да и у моих врагов была своя ватага...

Я понимающе ей кивнул, но Павла, похоже, моего настроения не разделяла, отдавшись своему восприятию того, что

было с нашей хозяйкой.

4.

Конец марта 1930 года, г, Верхотурье.

Весна в тот год была бурной, не только из-за событий того времени, но и сама по себе.

Нюрка проснулась от того, что кто-то постучал снежком в окошко. Не торопясь, она оделась и, процарапав ногтем в за-снеженном окне дырку, лишний раз убедилась, что это за ней пришли ее ватажники. Она махнула им рукой, выпила кружку воды из кадки и сунула краюху хлеба в карман. Обуться и одеться для нее, было делом одной минуты.

– Нюрк, ты куда? – Это Верка камнем повисла на руке атаманши. – Нюр, ну, Нюр! Ну, возьми меня с собой! Ну, чё тебе стоит?

– А не сболтнешь мамке про то, куда пойдём? – видя умоляющие глаза сестры, Нюрка торжествовала. – Так, ход удался! Топерича, ежели Верка скажет честно, то получит по шее. а не скажет? Ишшо лучше...

И в сердце Нюрки невольно пришла нежность к сестре. – Ладно, одевайси! Ждать не буду...

Дело было в том, что еще вчера Нюрка предложила своей ватаге посмотреть на то, как будут раскулачивать главных их врагов – Минаевых. От дяди Феди, который разговаривал с Кузьмой Вагановым, она и услышала все это. И уж никак

такое дело Нюрка не могла пропустить, но одной смотреть было все же опасно. – Мало ли чё... А вдруг ентот паразит, Евстратка, своему братану пожалилси? Про тот случай, в декабре?!

После этого, они чуть не избили ее, да ноги спасли. Поэтому и решила она не рисковать, подбив на дело своих ватажников – братьев Никифоровых.

Самым старшим из них был Кондратка. В свои пятнадцать лет он был на полголовы выше Нюрки – переростка, был самым аккуратным и самым молчаливым в ватаге. Однако Нюрка знала, что все соседские девки сохли по нему, и не понимала, почему это так? Вроде бы ничего и никому из девок светлоголовый и голубоглазый Кондратка не говорил, однако те без конца вздыхали о нем. Даже Верка не избежала этой участи: как оказалось, она тихо и безнадежно вздыхала, стараясь быть чаще там, где бывал Кондратка.

Авдей, самый младший из братьев, не смотря на то, что ему недавно исполнилось двенадцать лет, был на голову выше своей атаманши, обязательно участвовал во всех драках ватаги, при этом отличался простотой в общении и справедливостью. Он успевал сделать по дому все, что поручали ему отец или мать, набегаться в лесу или на реке да еще подраться со своими недругами. Те его уважали за то, что в драке всегда останавливался при первой крови и не забивал поверженного врага, оказывал первую помощь и являлся зачинщиком переговоров. На девок Авдюха совсем не обращал

никакого внимания, хотя Нюрка не раз замечала неравнодушный взгляд Авдюхи на себе. А еще ей нравилось, что, являясь главной боевой силой в ватаге, Авдюха этим не кичился, и к власти не рвался, а наоборот, уступал это дело Нюрке и братьям.

Устюшку, среднего из братьев, Нюрка не любила. Он был на голову меньше ее и старше на два года. Открыто в драки не вступал, как Авдюха, а действовал исподтишка. Если в ватаге происходило что-то плохое, то оно так или иначе касалось Устюшки, однако, доказать это было почти невозможно. Хуже всего было то, что он непостижимым образом умудрялся прокрадываться в душу каждого из них и узнавать секреты, а потом спекулировать на этом. Его и бивали, и убеждали, но искоренить этого так и не смогли.

– Ну, ты чё, Колобок, уже совсем? – Нюрке можно было не сомневаться, что едкое и ехидное замечание выскочило из рта Устюшки. – Енту-то, зачем взяла? Ить заложит!

– И не заложу вовсе... – Верка выкинула свои светлые волосы наружу шапки. – Ну, ты чё, Кондратка, совсем слепой?

Но тот даже ухом не повел. Она фыркнула как обиженная кошка и отошла за спину Нюрки. – Чуть чё – сразу Верка, а сами-то? Все-то вам Верка...

Но никто уже не обращал никакого внимания на ее слова: ватага, вытянувшись в цепочку, шла в обход по сугробам к своей цели. Нюрка, как и положено атаманше, шла первой. Осторожно обойдя дом Минаевых со стороны огорода, ва-

тага медленно втянулась в пространство между заготовленными на зиму стогами сена, один из которых был уже наполовину отпилен пилой так, что ровный срез казался душисто пахнущей стеной. Но чудеса сенной экономики ватагу не трогали: они уже слышали резкие голоса во дворе, а потому спешили отыскать хоть какую-то щелочку, чтобы видеть и слышать больше. Наконец, обойдя сарай по снегу, такое место в заборе нашлось. Нюрке досталась такая широкая щель между досками, что можно было все лицо просунуть. Она так и сделала.

Меж тем, во дворе запахло дракой. Этот напряженный, невидимый простым глазом момент Нюрка знала. Знала по какому-то немыслимому запаху боя, по дикому оскалу рта, жестокому выражению глаз и напряженной готовности немедленно пуститься в сражение...

Вот и сейчас, с одной стороны стояли все Минаевы от седого горбатого деда Нила, до грудного ребенка на руках у младшей дочери Акулины, как волки, загнанные советской властью и огороженные флажками. Они готовы были умереть все до одного, но не отдать с таким трудом нажитое добро... Это было видно и по Антипу, огромному мужику, который то и дело поглядывал на вилы, приготовленные им заранее. И по Евграфу с Евстраткой, которые, сжав кулаки, молчком медленно обходили команду власти.

Нюркин отчим дядя Федя стоял с бумагой у самого крыльца напротив деда Нила. Рядом с ним был Кузьма Вага-

нов, уполномоченный по раскулачиванию, с наганом в руке. Аверька Щипок и еще двое милиционеров, расположившись ближе к воротам, то и дело озирались по сторонам. Хотя они и держали в руках винтовки, но чувство страха да опыт, из которого следовало, что никто еще по доброй воле не отдавал свое добро, заставляли их готовиться к самому худшему.

— ... «Постановили... — голос своего отчима Нюрка узнала сразу, но из-за плача, криков и угроз со стороны Минаевых, никак не могла расслышать всех его слов. И только по поднятой вверх руке деда Нила все разом смолкли. — Всю семью деда Нила Минаева, его сына Антипа с женой и сыновьями Евграфом и Евстратом, дочерью Акулиной с мужем и детьми выслать из Верхотурья после раскулачивания».

Во дворе снова заревели женщины от мала до велика. Завыла, как собака, Акулина. Дед Нил, вцепившись своими натруженными и худыми узловатыми пальцами в перила крыльца, побледнел, почернел, набрал воздух в свои легкие, и, подняв указательный палец вверх, сильным голосом крикнул: «Цыц!». Зловещая тишина расплзлась по двору. Милиционеры в страхе начали щелкать затворами. У Нюрки мурашки поползли по коже, неожиданно выступил холодный пот. Все вдруг почувствовали — беда совсем рядом!

— ... «Двух коров, лошадь, овец и кур, а также прочую живность... — Нюркин отчим, вдохнув в грудь воздуха, чтобы набраться решимости и довести дело до конца, взглянул на уполномоченного, который тут же кивнул ему головой,

дрожащим голосом все же дочитал постановление. – Передать колхозной артели «Свет коммунизма». Дом, сарай и прочий инвентарь передается туда же. Уполномоченный по раскулачиванию Кузьма Ваганов, predisполкома Бегунков, начальник милиции Аверьян Щипков».

– Федька... Собачий ты сын! – мутными глазами дед Нил смотрел на раскулачивальщиков: наконец он набрался решимости сказать им все. – Не ты ли со своим дружкой Сысоем сгубил мово старшева сына Фролку? Забыл? Не вы ли сожгли мельницу мово среднева сына Вавилы со усёй семьёй яво? Забыл и енто? Дак, топерча и Антипов срок пришел? Ня дам! Хватить! Бей...

Он не договорил: вдруг схватившись за сердце, осел на подкосившихся ногах и выскользнул прямо в исподнем из накинутаго тулупа. Так и начал кувыркаться по ступенькам крыльца вниз, пока не упал лицом прямо в грязно – серую жижу...

Рев, смешанный с воем женщин и скотины, привел в замешательство всех, кроме Евграфа: тот, ударив кулаком в нос ближайшего милиционера, распахнул двери и бросился бежать в лес. Евстратка – за ним! И трудно было бы сказать, чем все это для них закончилось бы, если бы не помешал обливаемому кровью милиционеру другой, неволью пергородивший дорогу. Да Кузьма Ваганов, крикнувший им: «Пущай бегуть! Все едино их рано или поздно поймам!». А сам с Аверькой навел наган на Антипа, схватившего вилы.

– Брось вилы, Антип, не шуткуй! Ни чё не изменишь...
– Федор, бледный как смерть, понимающе смотрел на Антипа. – Я ведь не сам енто придумал. Не по злобе... Подумай о малых детках и внуках! Только крови не проливай... Остановись и подчинись! Пойми, мы ить тожа люди подневольные: што прикажут, то и делам! Плетью обуха не перешибешь!

Антип растерянно посмотрел на плачущих в обнимку баб и детей, и вилы его дрогнули. А через мгновение он с такой силой воткнул вилы в землю, что они погнулись. Сделав несколько шагов к крыльцу, огромный мужик сел на нижнюю ступеньку, обхватил, обречено голову и заплакал... Дети и бабы кинулись к нему, рыдая и голося...

И только тут Федор заметил плачущие лица Нюрки и Верки, а вместе с ними и всю ватагу.

– А ну, домой! – заревел он таким диким голосом, что Нюрка, никогда ничего подобного от него не слышавшая, отпрянула от своей щели и повалилась в снег, затем вскочила, повернулась и побежала обратно. Она бежала в полной уверенности, что вот-вот кто-то из милиционеров выстрелит в спину, и не замечала слезы, туманящие глаза. И в этот раз уже почувствовала, но еще не осознала разницы между тем, что говорит власть, и тем, что делает, но первая глубокая борозда пролегла навсегда по ее мятежной душе...

Через некоторое время, отдышавшись, по скрипу снега Нюрка поняла, что вместе с ней бежит и вся ее ватага.

– Только это раскулачивание мне чуть боком не вышло! – Анна Семеновна усмехнулась.

– Я что-то не пойму: сколько же вам лет было в ту пору? – по моей быстрой прикидке получалось, что она была мала еще для таких дел.

– Одиннадцать... – хозяйка совсем не обратила на мой укол внимания. – Да я ведь и не говорила, что участвовала при раскулачивании. Просто так получилось! Но за это мне потом сильно досталось...

5.

Конец июня 1930 года, г. Верхотурье.

Нюрка никак не могла понять, что же ее влечет к женскому монастырю: в воздухе витала любовь и бурная жизнь повсюду, да и сама она в последнее время, будто по воздуху летала! Ни дождь, ни молния, сверкавшая то и дело над монастырем, не могли остановить то магическое притяжение, которое сегодня на нее действовало. Вот и сейчас все ее существо было во власти могучего внутреннего голоса, от которого трепетало сердечко... А голос настойчиво и тихо шептал: «Иди, иди к монастырю! Именно там ты найдешь то, что так долго ищешь!». И Нюрка безропотно шла. Но вдруг ее кто-то безжалостно схватил за плечо и требовательно приказал. – Хватит дрыхнуть, пора вставать!

Вздрагнув, Нюрка открыла глаза: над ней стояла мать и

трясла за плечо.

– Хватит дрыхнуть, пора вставать! Иди, накорми скотину, подои корову, да отправь ее в стадо. А я пошла на работу!

– А чё не Верка? – слабая попытка хоть как-то перевести стрелку на сестру тут же была пресечена.

– Верке дома убираться, а ты за всю скотину и огород в ответе, поняла?

– Пропади она пропадом, эта скотина! – пробурчала Нюрка, и, увидев, что мать уже далеко, снова закрыла глаза в надежде, что сладкий и тревожащий кровь сон, повторится или продолжится. Но сон больше не шел. – Вечно все так: ты, Верочка, спи, а ты, Нюрка, вставай! Хватит дрыхнуть!

Так, бурча себе под нос нечто недовольное, она встала, умылась под рукомойником, воткнула ноги в первую, попавшуюся ей, обувь, и пошла к скотине.

Через пару часов, управившись со всей скотиной, Нюрка, босая и в легком сарафане возвращалась домой, помахивая хворостиной. Отчима и дяди Кузьмы дома уже не было, а Верка, только недавно проснувшаяся, наводила чистоту и порядок в доме. Поэтому и встретила сестру недовольно. – Ну, вот. Только прибралась, а ты тут как тут!

Не удостоив Верку за реплику внимания, Нюрка, наложив себе в карман несколько картошин из чугунка и отломив краюху хлеба, налила в пустую кринку молока и вышла на крыльцо, чтобы никто не мешал ей спокойно позавтракать. Поделившись хлебом и картошкой с любимым псом

рыже-черно-белой масти по кличке Дружок, радостно повилявшим ей хвостом, старшая сестричка быстро расправилась с завтраком.

Восходящее солнышко согрело ее своими первыми лучами. Невольно Нюрка ощутила тот самый неведомый аромат, который витал в ее сне. Сам собой вдруг вспомнился сон, вернулось жгучее желание полазить по развалинам женского монастыря.

– А чё, ежели там, у монашек было богатство? – эта мысль, вдруг озвученная, неожиданно охватила все ее существо: вспомнилось то самое чувство, которое испытала сегодня во сне. Но фантазия уже разгулялась: вот ноги ее бредут по развалинам женского монастыря, глаза видят груды камней, а там... Однако кто-то внутри увещевает. – Не ходи! Городские не любят Ямских! Ежели попадешься, живой не отпустят!

– А вдруг, да и найдешь?! – не сдавался сладкоголосый соблазнитель. – Вот так откроешь забытую келью, а там клад! И найти его может любой, не только ты. И ты это позволишь?

– Но ведь это опасно... – голос разума с каждой минутой слабеет.

– А чё бояться-то городских? Или у тебе не целая ватага!? Иль ты уже не атаманша? Вот и возьми всех: авось, да и отобьесси! – лукавый явно знал, куда надо давить: после таких слов у молодой атаманши не хватило сил сопротивляться ему. Что уж тут: власть и не таким как она голову кружи-

ла!

Через некоторое время Нюрка, Авдюха, Кондратка и Устюшка, озираясь по сторонам, шли берегом реки к женскому монастырю.

Как всегда, Верку не взяли, и она, погрозив им вслед кулаком, крикнула из окна. – Ага, я все слышала и мамке скажу!

Но, увидев кулак Нюрки, тут же скрылась в доме.

Опасная зона для Ямских началась сразу же за Троицким монастырем. Здесь встреча четверых ватажников с городскими не сулила ничего хорошего. Однако, к всеобщему удовольствию, они добрались до женского монастыря без происшествий и юркнули в заросли высокой полыни. Только оглядевшись по сторонам и не заметив противника, ватажники вошли в храмовую пристройку.

– Ну, чё, куды топерича иттить? – скрипучий голос Устюшки подстегнул Нюрку сильнее бича. – Нету тута никакова богатства: напрасно шли! Вот пымають нас тута городския, да наkostenяляють! Вот бут да...

– Не каркай, ворон хрипатай! – Нюрка злилась: она, и сама не понимала, зачем притащила с собой ватажников. – Пушшай сначала пымають! А пока – иищем клад! Ишь, на стенах-то как красиво. Даже позолота есть...

Голос Нюрки эхом отдавался от стен, сначала пугая всех до смерти, а потом веселя. Особенно, им понравилось пугать стаи ворон, когда те устремлялись в оконные проемы.

Меж тем, ватажники осторожно поднимались по лестни-

це на второй этаж храмовых помещений, всюду имевших пустоты от не успевших сгореть в огне, но разворованных дверей, окон, досок пола. В большом количестве повсюду валялись обломки камней, кирпичей, свалявшегося мусора.

– Тсс! – атаманша, своим острым слухом уловившая какой-то звук в конце коридора, приложила палец к губам, и почти шепотом добавила. – Здесь кто-то есть. Тихо! А я пойду и посмотрю, кто енто таков...

Все остановились, а она, передвигаясь на цыпочках вперед, выбирала чистые места на полу. Уже в самом конце коридора Нюрка ясно почувствовала запах жареного мяса и костра, а также услышала тихий разговор.

– Мы чё, братка, так и спустим коммунакам усе? – эту манеру шепелявить Нюрка не могла спутать ни с кем: у костра сидели ее самые страшные враги. – Дедка наф из-за их помер. Хозяйство нафе усе забрали. Усех нафых в Сибирь отправили... И чё, мы не отомстим?

– Не трешши, братан, отомстим! – низким баском ответил Евграшка. Нюрке доподлинно было известно, как жесток был в драках широкоплечий «Граф», которые сам к тому же и затевал. А еще он был равнодушен к молоденьким девушкам, которых портил, а потом еще и издевался над ними. И уж этого-то врага девушке особенно не хотелось бы встретить, а потому, тихонько повернувшись, на цыпочках пошла обратно. – Мы имя ишшо таку «чучу» замастрячим, обрыдаютца кровью. Обожди, мавость!

Предательский камень выскочил из-под ее ноги почти у самой лестницы, где ждали друзья, но от этого стука в коридор выскочил Евстратка и сразу же все понял.

– Атанда, Клоп! Нас застукали! – крикнул он, выскочившим в коридор брату и еще одному мужчине. – Енто та рыжая гадюка: она всех нас заложит!

– Ч-черт! Я те чё сказав: стоять на шухере, а ты? – Граф большими скачками подскочил к брату: тот съежился, ожидая удара.

– Тихо! – грубо прервал их третий, в клетчатых брюках и пиджаке. Он был явно недоволен. – Быстро всем вниз и изловить девчонку! И смотрите мне: она – моя! У меня с Сысоем – особый счет...

– Да ты чё, Квоп? А вдруг с ей ишшо кто? Чё тоды? – Граф невольно остановился.

– Ты понял? Она – моя! И повторять это дважды я не буду! – Клоп бесцеремонно взял Евграшку за грудки и поднял. – Упустишь – за нее ответишь!

Граф уже был не рад, что рассказал Клопу про тот случай раскулачивания и про девчонку рыжую, которая все видела. Вор долго расспрашивал о ней и ее родителях, а потом довольно цокнул языком. А теперь изо всех сил Евграшка гнал за ней: совсем недавно он был свидетелем, как Клоп свирепо расправился с теми, кто не выполнил его приказ.

– Устюха... Беги... К дяде Феде... В исполком! Скажи... Братья... Минаевы... Тута! – крикнула Нюрка на ходу

Устюшке, который от страха бежал впереди всех. Он даже обрадовался, что не придется ему драться.

Тем временем ватажники, выскочив из храма, устремились налево в сторону реки, то, прижимаясь к стенам, то, прячась за их уступами. Преследователи не сразу поняли, что их провели, и поначалу погнались за Устюшкой. Однако, обнаружив, что Нюрки с ним нет, повернули в другую сторону.

Их было трое против троих. Они так и стояли секунд двадцать друг перед другом: против Нюрки стоял Евстратка и корчил ей рожу, а она сжимала кулаки. Против Кондратки стоял Евграшка, выставивший вперед правую ногу, готовый кинуться на врага в любую минуту.

И только Клоп, стоящий против Авдюхи, не выказывал никакой готовности драться. Это Авдюху так озадачило, что он тоже опустил вниз кулаки. Стоило только Нюрке броситься на Евстратку, а Евграшке – на Кондратку, как Авдюха совсем растерялся. – Как же так? А он с кем должен воевать? Ведь ентот, который напротив него, совсем не хочет драться! Значит, надо помогать Кондрашке, али Нюрке... Раз ентот, который был с ними, посторонний!

Вот тут-то он и сделал свою роковую ошибку: все поведение Клопа было маскировкой. Не успел Авдюха повернуться к нему спиной, как сильный удар чем-то очень твердым по шее сзади, сразу же выключил его из драки: в глазах у него поплыли разноцветные круги, и сознание помутилось. Боль-

ше уже он ничего не видел...

Меж тем, Нюрка изловчилась, и, поймав руку Евстратки, сильно ударила его в глаз, а потом и в нос и в лоб. Тот закрутился и полетел в овраг.

Кондратка бился, отступая от ударов Графа, и Нюрка пошла бы ему на помощь, но тут появился мужик в клетчатом пиджаке и таких же штанах. Он шел ей навстречу, хищно улыбаясь и раскинув в стороны обе руки. Это ее сильно смутило. И в это же время заметила, как упал ее последний защитник. Теперь атаманша одна осталась против двух сильных мужиков.

– Ну, топерича тебе амба! – ехидно произнес Граф, поглядев на Клопа. – Ли-кось, одна ты осталася...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.